

Эволюция религии

Льюис Ричард Фарнелл

CROWN THEOLOGICAL LIBRARY

THE EVOLUTION OF RELIGION

AN ANTHROPOLOGICAL STUDY

L. R. FARNELL

Электронная книга проекта "Гутенберг" о эволюции религии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Эволюция религии

Антропологическое исследование

Автор: Льюис Ричард Фарнелл

Дата выхода: 25 сентября 2023 [Электронная книга №71722]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Нью-Йорк: G. P. Putnam's Sons, 1905

Титры: анонимный волонтер проекта "Гутенберг"

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИИ" ***

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИИ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Л. Р. ФАРНЕЛЛ, магистр, Д.литтл.

АВТОР КНИГИ "КУЛЬТЫ ГРЕЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ", НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЭКСЕТЕРСКОГО КОЛЛЕДЖА В ОКСФОРДЕ; ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ; ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА; ЧЛЕН АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

НЬЮ-ЙОРК: СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА

ЛОНДОН: УИЛЬЯМС И НОРГЕЙТ

1905

Предисловие

Небольшая книга на великую и трудную тему должна объяснять и извиняться сама за себя, особенно если она не может претендовать на *смысл существования* в качестве руководства для начинающих. Приняв вдохновляющее приглашение прочитать весной этого года короткую серию лекций для Фонда Хибберта по какому-либо предмету, относящемуся к отделу сравнительного религиоведения, я почувствовал, что желательно избегать тех тем, которые были присвоены бывшими преподавателями; а также что Попечители, так же как и аудитория, заслуживают того, чтобы изложенное лектором воплощало результаты какого-то личного и оригинального исследования. Наконец, я выбрал для особого обсуждения ритуал очищения и влияние связанных с ним идей на закон, мораль и религию; и, во-вторых, развитие молитвы от низших форм к высшим. Эти темы, по-видимому, еще не были исчерпывающе рассмотрены современной антропологией или научным и сравнительным богословием, и я уже в некоторой степени работал над ними в качестве “парерги” трактата по истории греческих культов, который я завершаю для Clarendon Press. Я отдаю себе отчет в том, что эти специальные вопросы вполне оправдали бы более длительные и тщательные исследования, и каждый из них мог бы послужить материалом для большого тома. Но поскольку мне посоветовали публиковать лекции более или менее в том виде, в каком они были прочитаны, я представил их как предварительную и незавершенную работу. Я особенно сожалею, что в настоящее время не смог углубиться в изучение египетских свидетельств с любезно предложенной помощью мистера Гриффитса, преподавателя египтологии в Оксфорде.

Первые две лекции, посвященные методам и ценности сравнительного изучения религии и ее связи с антропологией, носят более общий характер. Если кажется, что они занимают слишком большую часть работы по этому небольшому разделу, актуальность вопросов, которые они поднимают, может служить извинением. Мне было высказано предположение, что некоторые подобные заявления могли бы быть своевременными на том этапе, которого мы достигли. Поскольку этот предмет заслуживает большего внимания и даже получает пожертвования в организации новых университетов. С научной точки зрения это одно из самых увлекательных исследований; и его практическое значение для наших колониальных администраторов и наших миссионеров очевидно для тех, кто размышляет. Есть также законная надежда, что его более широкое и разумное признание в Англии может иметь тенденцию охлаждать накаленную атмосферу догматических споров, представляя религиозные факты в их истинной пропорции и надлежащем обрамлении.

Я должен воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить свою благодарность многим друзьям за ценную помощь, и особенно моему другу и коллеге мистеру Р. Маретту, чьим всесторонним знаниям религиозной мысли и ритуалов диких рас я обязан многими важными подсказками.

Л. Р. ФАРНЕЛЛ.

Август 1905 года.

Содержание

ЛЕКЦИИ Первая И ВТОРАЯ.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИЙ: ЕГО МЕТОД И ПРОБЛЕМЫ

ЛЕКЦИЯ III.

РИТУАЛ ОЧИЩЕНИЯ И КОНЦЕПЦИЯ ЧИСТОТЫ: ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕЛИГИЮ, МОРАЛЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ

ЛЕКЦИЯ IV.

ЭВОЛЮЦИЯ МОЛИТВЫ ОТ НИЗШИХ ФОРМ К ВЫСШИМ

Указатель

ПРИМЕЧАНИЯ

Эволюция религии

ЛЕКЦИИ I. И II.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИЙ: ЕГО МЕТОД И ПРОБЛЕМЫ

Разумное и сочувственное изучение различных религий человечества, которые, возможно, являются самым ясным зеркалом человеческих чувств, устремлений и мысли в их высших и низших формах, которое у нас есть, возможно только для отдельного человека или для эпохи, которая не чувствует принуждающего призыва подавлять и уничтожать все, кроме одного заветного вероучения. Такое изучение началось, как и следовало ожидать, в более ранний эллинский период, когда эллинская религия практически не создавала препятствий на пути не dogматического исследования; и первым антропологом религии является Геродот. Затем среди эллинистических ученых и ученых дохристианского Рима нашлись такие, кто посвятил себя сбору и изложению религиозных институтов иностранных рас. Но, за исключением нескольких коротких трактатов, таких как *"Об Исиде и озириде"* Плутарха, *"Об истории и мире"* Саллюстия, *"О Сирии"* Лукиана, не сохранилось ничего, кроме названий и фрагментов их работ; и по иронии судьбы, мы многим из наших знаний об эллинских и других религиях Средиземноморья обязаны христианским полемистам, которые раскрывают многие существенные черты различных языческих вероучений, чтобы подвергнуть их порочающему влиянию: они не могли предвидеть, что в результате их трудов мы получим лучшее представление, чем могли бы получить в противном случае, о религиях, которые они стремились уничтожить, и, возможно, о самом христианстве. Если бы я попытался, а я не собираюсь пытаться, дать полный обзор роста и развития исследования, которое мы рассматриваем, я, вероятно, смог бы отобрать лишь небольшой материал для повествования из византийских и средневековых источников. Мы можем отметить, что дух этих эпох был, в целом, чужд нашему нынешнему интересу; и что систематическая работа в этой области возобновляется только после Возрождения и открытия Америки. Двум испанцам перуанского и

мексиканского происхождения,^{3.1} мы обязаны нашими знаниями религий инков и ацтеков, причем знания последних, по крайней мере, имеют первостепенное значение для изучающих высшие религии человечества. Польский дворянин 16 века оставил нам довольно подробный отчет о религиозных практиках и верованиях тогдашней полуязыческой Литвы.^{3.2} Но одним из величайших достижений второй половины 19 века можно считать то, что сравнительное изучение религии заняло высокое положение во всей области индуктивных спекуляций и исследований. И его разработка была в основном обусловлена двумя независимыми направлениями исследований. Первым стимулом послужило открытие и интерпретация священных книг Востока, знаменательная эпоха в истории европейской мысли, и некоторые важные теории, касающиеся происхождения религии, были выдвинуты учеными-ведистами и основаны на свидетельствах ведической литературы: в то же время расшифровка ассирийско-вавилонских и египетских текстов дала богатый новый материал и положила начало новым проблемам религиозных исследований, которые особенно волнуют изучающих эллинский язык, а также семитскую древность. Но столь же или, как некоторые могут подумать, более мощным фактором недавнего продвижения к организованному знанию религий стал рост за последние полвека исследований, получивших название антропологии, которое обычно понимается как изучение примитивного или дикого человека, как в прошлом, так и в настоящем, в отношении его физического и психического состояния. Мне совершенно нет необходимости распространяться о высокой и многообразной полезности, как практической, так и умозрительной, этой новой отрасли человеческих исследований; эта тема стала почти популярной в ведущей журналистике того времени. А антропология, определенная выше, имеет определенную ценность и цель, помимо ее вклада в наши знания о религиях мира. Тем не менее верно, что религиозный интерес в Англии настолько силен и пронизателен, что многие из наших ведущих антропологов в своих исследованиях общества дикарей направляли свое внимание главным образом на религиозные или квазирелигиозные явления. Даже если бы их труды ограничивались открытием и изложением ритуалов и верований дикарей, мы все равно были бы в большом долгу перед ними; ибо для многих из нас, по крайней мере, дикарь интересен сам по себе, независимо от того, правда это или нет, что изучение его ментальных феноменов помогает объяснить ментальные феномены нашего высшего "я" или высших рас в прошлом. Но эти авторы утверждают, и я думаю, справедливо, что они сделали больше, чем это, и путем сравнения, индукции и гипотезы пролили некоторый свет на эволюцию религии от низших форм к высшим, и, следовательно, заложили основу для науки, которой мы занимаемся. Также недавно опытным исследователем новой доктрины доктором Фрейзером были предприняты попытки проследить то, что можно назвать антропологическим генезисом центральной идеи самого христианства.^{6.1} Поэтому неудивительно, что по крайней мере в Англии такие заявления и амбиции должны вызывать недоверие, даже враждебность, и престиж антропологии, возможно, также временами страдал от неосмотрительности ее друзей. Тем не менее, его работы пользуются широкой популярностью, его энергия неиссякаема, а влияние в будущем гарантировано. Таким образом, при рассмотрении целей и методов сравнительной науки о религии мне показалось, что ее связь с антропологией в настоящее время является одним из главных моментов в исследовании. И может показаться, что мы достигли стадии, когда желательно проверить нашу позицию, так сказать, подвести итоги, изучить наши методы и решить, можно ли их улучшить. Задача трудная, и, решая ее, приходится сталкиваться с обвинением в самонадеянности, тем более что в кратком курсе лекций человек должен быть кратким и поэтому может показаться чрезмерно догматичным.

Если сравнительное изучение религии предназначено для изучения, как это и должно быть сделано на основании его названия, различных зарегистрированных или обнаруживаемых религий каждой ветви человеческой семьи, то часть антропологии, ограниченная, поскольку она обычно предпочитала ограничивать себя, изучением диких рас, очевидно, является подразделом целого. И его работа, проводимая часто с большими трудностями, была солидной, хорошо организованной и имела большое значение. Даже те, кто отрицает ее притязания называться наукой, что бы ни означало это слово, должны признать, что это, по крайней мере, незаменимая отрасль исторического исследования и что она углубила самопознание человечества.

Некоторые из ее первопроходцев, возможно, были чрезмерно увлечены своими теоретизированиями, преждевременны в своих попытках раскрыть происхождение всех религий в каком-нибудь дикарском ритуале или на фоне дикарского мышления, например, в поклонении предкам или тотемизме. Такие опрометчивые обобщения неизбежны в начальный период нового исследования и могут быть дискредитированы или оставлены без дискредитации исследований, которые их породили. Возможно, мы осознали крайности исследователей тотемизма; возможно, мы пришли к убеждению, что ни их, ни какая-либо другая специальная и единичная гипотеза пока что не дала нам главного ключа, с помощью которого мы можем проникнуть в изначальный источник человеческой религии; возможно, мы нашли научные причины для отказа от веры в то, что все боги возникли как призраки ушедших предков. Но если мы отбросим подобные теории происхождения, мы обязаны этим негативным результатом более зрелому изучению антропологии самой по себе; и, возможно, ей мы обязаны положительным выводом о том, что религиозный продукт на разных стадиях и в разных ветвях человечества был сложным ростом из множества различных зародышей.

Это также научило нас гораздо большему, чем это. Это показало нам, что во всех современных обществах диких людей преобладает необычайное единообразие ритуалов и мифологии, несмотря на значительные местные различия, единообразие настолько поразительное, что наводит на мысль о вере в в конечном счете идентичную традицию или, что, возможно, более разумно, в психологическую теорию, согласно которой клетка человеческого мозга у разных рас на одной и той же стадии развития реагирует одной и той же религиозной речью или одним и тем же религиозным актом на одни и те же стимулы, поставляемые окружающей средой.

Мы научились обнаруживать определенный дикий стиль, как мы можем это назвать, в мифах и ритуалах; и антропология выполнила двойную работу по сравнению; ибо она не только сравнила различные дикие расы человечества, но и сравнила результаты этого объединения с религиозными феноменами высших рас и выявила дикий стиль во многих их мифологиях и ритуалах. Впервые было обнаружено более ранними исследователями древности Северной Европы, такими как братья Гримм и Маннхардт, что в основе религии христианского мира лежал слой крестьянских ритуалов и верований, которые еще не исчезли и, вероятно, скоро исчезнут, что свидетельствует о том же ментальном состоянии в ранней Европе, которое существовало среди наших диких современников в различных частях света. Затем священное здание эллинизма подверглось нападению; и самодовольство эллинских ученых иногда нарушалось обнаружением с помощью строгого сравнительного метода того же дикарского стиля во многих эллинских ритуалах и эллинских мифах. Таким образом, мы впервые пришли к пониманию истинного значения многих грубых и отталкивающих фактов эллинской религии — человеческих жертвоприношений, почитания животных, камней и деревьев, демонологии и

магических обрядов. Многие из этих практик потеряли свое значение для более продвинутых поколений, которые, тем не менее, сохранили их под сильным давлением религиозного консерватизма; но если мы обнаружим те же самые практики среди существующих рас, которые выполняют их с живой и полной верой как часть квазилогической структуры верования, мы сможем вернуть их в надлежащее русло, когда обнаружим, что они все еще сохранились в высшем и чуждом обществе. Особенно греческая религия, которая никогда насильственно не порывала со своим собственным прошлым, является богатым месторождением, все еще манящим к исследованию. И теперь эллинские ученые разыскивают ту же сокровищницу в поисках дальнейшего антропологического материала; в то время как ассириологи и египтологи рассматривают часть феноменов своих специальных отделов в том же духе.

Мы осознаем выгоду этого: мы медленно и верно приходим к индуктивным выводам относительно сходства развития, через которое прошли и проходят высшие и низшие расы; солидарность человеческой семьи оказывается сильнее, чем мы могли предположить. В то же время сейчас мы должны быть осторожны с некоторыми распространенными антропологическими ошибками. Некоторые из них менее неизбежны, чем другие: например, то, что мы можем назвать ошибочностью простого перечисления. На основании общего индуктивного убеждения, что высшие расы когда-то прошли через фазу дикости, часто слишком опрометчиво предполагается, что все они когда-то должны были обладать особым институтом, таким как тотемизм или культ предков, который, на самом деле, встречается у большинства современных диких рас. Это преувеличение принципа солидарности, игнорирование факта огромного разнообразия, действительно наблюдаемого среди существующих примитивных обществ, и возможности того, что некоторые из высших народов смогли продолжить свой путь прогресса, просто избегая какого-то конкретного пагубного института. Опять же, антропологическое объяснение часто вынуждено быть гипотетическим, поскольку представленные доказательства часто очень фрагментарны: с помощью разумного и опытного воображения предпринимается попытка реконструировать целостную картину из нескольких фрагментов. Одна-единственная кость может позволить опытному биологу безошибочно воссоздать некогда жившее животное; но в антропологии рассматриваемый фрагмент мог происходить от одного из двух различных организмов или органических институтов, которые, возможно, наложили очень похожий отпечаток на мифологию и религию. Например, полноценная тотемистическая система, пришедшая в упадок, могла оставить свой след в определенных историях о животных или в эпизодическом почитании определенного животного: но прямое поклонение животным, религиозный взгляд, который может быть совершенно независимым от тотемизма, или определенные формы поклонения предкам с таким же успехом могли оставить ту же мысль окаменелости или ископаемый ритуал.^{13.1} И мы знаем, как опрометчиво теория повсеместной практики человеческих жертвоприношений использовалась для объяснения некоторых специфических явлений в более поздних ритуалах, таких как бичевание животных. спартанские мальчики, например.

Но более строгая антропология может скорректировать чрезмерно узкие гипотезы о своей незрелости и может оказать виртуозную помощь эволюционному изучению высших религий; ибо каждая из них, несмотря на откровение или преобразующий энтузиазм, которые стерли бы прошлое, содержит массу таинственной мертвой материи; и именно антрополог должен показать предшествующее функциональное органическое значение этого. Но если, подчиняясь принятому в настоящее время ограничению своего предмета, он ограничит себя главным образом изучением жизни дикарей и мертвой материи высших религий, и все же поддастся

искушению иметь дело с более жизненными и существенными элементами в них, он будет подвержен особой предвзятости своего собственного исследования. Мы можем отметить подобную предвзятость в недавних попытках объяснить существенные черты Элевсинских мистерий в свете чисто дикой антропологии. И, конечно, все мы склонны терять чувство меры и преувеличивать важность особых явлений, которым мы ограничиваем наше внимание. Фолклорист склонен чрезмерно подчеркивать роль мифологии в религии и может игнорировать высшую важность молитвы и ритуала; ибо самый добросовестный сапожник никогда по-настоящему не способен держаться до последнего. На самом деле, хотя полное изложение высших религий невозможно без антропологии, в настоящее время существует некоторая опасность, что часть иногда будет ошибочно принята за целое. Например, мы можем с некоторым беспокойством ощущать, что недавние изложения эллинской религии имеют тенденцию, без сомнения, непреднамеренно, исказить взгляд читателя и производить ложное впечатление, преувеличивая дикие и примитивные факты, упуская истинную перспективу и неверно оценивая целое. Наше понимание греческой мифологии может пострадать таким же образом, если мы не сможем сохранить остроту нашей способности ценить: греческий миф часто имеет поразительное сходство с арунта или пауни, и сравнительному фольклору и антропологии необходимо указывать на это, а часто настаивать на красоте легенды и достоинстве религиозной мысли дикарей: но будет прискорбно, если эти исследования приведут к потере нами представления о том, что греческая мифология, в конце концов, самая красивая из всех, которые у нас есть.

Ошибочность, на которую я до сих пор пытался указать, проистекает из настроения, которое может возникнуть при специальном изучении. С другой стороны, существует особая ошибочность метода, которой современное изучение антропологии, поскольку оно решило ограничить себя, специально подвергает нас. Это может увести нас из непосредственного окружения конкретного факта — конкретной легенды или религиозной службы — на дальнюю периферию. Для первых пионеров исследования было неизбежно путешествовать далеко, поскольку окружность была неисследованной, и в отдаленных точках лежали факты, которые нас интересовали. Но, в конце концов, нашим первым объектом изучения должно быть более непосредственное окружение того, что мы хотим понять. Изучающему эллинскую религию и мифы, возможно, в конечном счете придется побродить, в литературном смысле, по Центральной Австралии и закоулкам Америки; но сначала он должен исследовать средиземноморские регионы и земли передней Азии. Интересно и, возможно, необходимо ознакомиться с “пауни-версией ”Элевсинии“; но для истинного понимания великой греческой мистерии некоторые элементы египетской религии, митраизма и самого христианства, вероятно, позволят провести более наглядное сравнение. На самом деле, разум нашего ученика иногда испытывает искушение совершить слишком легкое и дешевое путешествие на другую сторону земного шара и оставить незаконченной работу, которую сначала следовало бы выполнить поближе к дому.

Чтобы свести эти идеи к чему-то вроде рабочей формулы метода, можем ли мы сказать, что антропология, которой немедленно требует сравнительное изучение любой из более сложных и продвинутых религий, является “смежной антропологией”? Ибо религиозные идеи, легенды и ритуалы наиболее заразительны и имеют тенденцию распространяться на больших сопредельных территориях: если перефразировать стереотипный вопрос: “что является менее своим, чем боги народа?” Нам очень хотелось бы изучить антропологию Средиземноморского бассейна, включая переднюю Азию; ибо есть веские основания полагать, что с очень ранних

времен частые контакты ведущих народов этого региона наделяли их общим запасом религиозных идей, ритуалов и легенд, которые, вероятно, наложили свой отпечаток на высшие религии мира. Именно они особенно интересуют большинство из нас, и мы чувствуем, что не можем решить их проблемы с помощью одной только дикой антропологии. Почему, в конце концов, последний термин должен быть ограничен, как это обычно бывает, изучением жизни дикарей? Несомненно, мы не можем настолько расширить употребление этого слова, чтобы охватить его полное этимологическое значение: иначе оно охватило бы всю историю человечества с самого начала и до настоящего времени и потеряло бы свою ценность как признак какой-либо специальной науки. Но мы могли бы несколько расширить его нынешнее значение с пользой для сравнительного метода и без слишком большого отклонения от текущего использования. Мы могли бы определить антропологическое изучение любой из высших религий как эволюционное изучение ее эмбриологии: эволюционный закон мог бы предстать в первую очередь как непосредственный закон роста. Ибо, вероятно, каждое из мировых вероучений унаследовало, помимо своих собственных достижений, двойную традицию, традицию из более отдаленного и традицию из более близкого прошлого. Первая может восходить к незапамятной древности и к действительно примитивной или дикой ментальной и социальной жизни; и задачей примитивной антропологии было разъяснить факты, накопленные этой традицией. Но многие, если не большинство, из этих фактов могут рассматриваться как функционально мертвая материя, выживающая в более развитой системе верований и не принадлежащая к ее основной жизни. С другой стороны, из непосредственной традиции многое будет воспринято по неизбежному закону ассимиляции, определенные мощные идеи, которые, будучи преобразованными, войдут в саму жизненную силу нового вероучения. И они должны быть обнаружены и проанализированы тем, что я осмелился назвать “смежной” антропологией, которая будет включать всестороннее изучение литературы и памятников, относящихся к более близкому прошлому расы, которая развивает новую веру, а также рас, которые являются ее ближайшими соседями.

Такой метод, хотя до сих пор и не называвшийся антропологическим, уже применялся различными учеными в различных областях нашей науки; изложение вавилонских элементов в иудейской религии, иудейских и языческих элементов в мусульманстве являются его примерами. В данном случае я предпочел бы проиллюстрировать это, отметив его применение к научному изучению самого христианства, поразительная сложность которого, разнообразие форм, которые оно принимало в разных частях христианского мира в разные периоды, кажется, специально побуждают к более высокому антропологическому анализу. Более того, она, вероятно, содержит более богатый запас, чем любая другая из мировых религий, различных течений мысли и верований, которые питали жизнь раннего цивилизованного или получивилизованного человека. Иллюстрация, взятая из нашей собственной религии, также будет более интересна лично для нас; и хотя ограничения во времени и мои собственные знания могут помешать мне выдвинуть какое-либо оригинальное утверждение, все же кое-что можно получить и пробудить более широкий интерес, если кратко рассказать о том, что было сделано и что еще предстоит сделать.

Теперь нет необходимости в извинениях, если кто-то желает откровенно рассмотреть происхождение фундаментальных идей и преобладающих институтов раннего и позднего христианства, хотя до сих пор определенная религиозная застенчивость, присущая национальному характеру, возможно, заставляла английских ученых неохотно заниматься антропологией нашей национальной веры; и прогрессом в этом вопросе мы в большей степени

обязаны иностранным работникам. Наши выдающиеся исследователи богословия не обошли стороной вопрос о ранних влияниях, которые, возможно, сформировали религиозную мысль Христа и святого Павла; но их, естественно, искали главным образом в позднем иудаизме; и хотя долг развитого христианства перед эллинской философией никогда не игнорировался, однако то, что ни наши священные книги, ни иудейская литература, ни греческая философия не объясняют всего комплекса исторического христианства, является убеждением недавнего роста, и исследования, к которым это побудило, относятся к недавнему времени. Например, это был новый шаг, многообещающий для будущего нашей науки, когда в курсе лекций Хибберта, прочитанных несколько лет назад, доктор Хэтч публично разъяснил глубокий долг христианства в отношении ритуалов, организации и даже религиозных концепций Элевсинским мистериям и другим мистическим обществам греческих земель. И те немногие, кто изучает эллинскую религию в Англии, часто отмечали ее многочисленные связи с нашей собственной, хотя о них до сих пор нет полного и авторитетного отчета. Мы можем признать, что триумф нового и великого вероучения может означать мощное откровение, возможно, внезапную ментальную трансформацию оглашенных, которую трудно приравнять к какому-либо сформулированному закону эволюции. И все же мы не можем отрицать тот опыт, что по мере того, как религия утверждается и организуется, она черпает пищу из старой почвы, которая полна живых зародышей организмов прошлого. Следовательно, было неизбежно, что эллинская религия оставила глубокий след в раннем и более позднем христианстве; отчасти потому, что религиозный настрой в греческом мире на протяжении веков, непосредственно предшествовавших принятию христианства, был более сильным и пылким, чем во времена Гомера или Перикла, и главным образом потому, что новообращенные эллины стали столпами Церкви. Но исследователь, изучающий компаративистику, должен исследовать проблему дальше, за пределами Эллады. Древняя фригийская религия, узнать о которой нам помогли путешествия и исследования профессора Рамзи, должна быть серьезно принята во внимание; поскольку Фригия была одним из первых очагов христианства, ее исконная религия зародилась в идеях, поразительно сходных с теми, которые являются основными во всех или многих вероучениях христианского мира; и болезненный и экстатический темперамент коренных фригийцев, придавший столь отчетливую окраску культу Кибелы-Аттиды, по-видимому, снова проявился в некоторых раскольнических формах христианской доктрины во Фригии, особенно во Франции. ересь монтанизма. Наконец, мы можем многому научиться, даже перенять многое у наших врагов. В конце концов, самыми опасными антагонистами христианства были поклонение Изиде и митраизм. Возможно, удастся проследить их влияние на своего завоевателя: великая работа М. Кумона о культе Митры наводит на мысль, по крайней мере, о многих интересных религиозных параллелях; и даже более древнюю зороастрийскую литературу следует рассматривать в рамках необходимого и законного сравнения.

Поскольку меня здесь интересует скорее иллюстрация метода, чем положительное доказательство, я могу предложить лишь очень краткое изложение результатов, которых антропологическое изучение христианства достигло к настоящему времени и еще может достичь.

Религиозные сходства, обнаруживаемые между более ранней и более поздней "средиземноморской" системами, могут быть классифицированы в соответствии с тем, как они проявляются в легендах, в номенклатуре и терминологии, во внешних символах и литургических предметах, в иерархических институтах и, наконец, в идеях, устремлениях и концепциях веры. Что касается легенд и мифологии, великая историческая религия, конечно, может претендовать

на то, что она свободна от всякой мифологии; тем не менее опыт показывает, что популярные легенды обязательно в какой-то период, раньше или позже, проникнут в нее, поскольку люди настаивают на том, чтобы рассказывать старые истории под измененными именами. Я сам слышал незапамятную историю об Одиссее, идущем в глубь материка со своим веслом, которое деревенские жители принимают за вейлку, рассказанную о святом Петре, святом Павле и святом Иоанне на побережье Пелопоннеса; точно так же древнескандинавская легенда об Одине и Бальдре пересказывается о Христе и святом Петре.^{26.1} А изучающие средневековую агиологию будут все яснее и яснее открывать различные фрагменты дохристианской мифологии, включенные в легенды о святых. Такие факты являются материалом сравнительного фольклористического исследования, которое играет полезную, но весьма подчиненную роль в работе по сравнительному религиоведению. Легенды действительно имеют свой независимый интерес, поэтический, этический и прочий; но важность простой мифологии в изучении религии часто сильно переоценивалась; святой Августин, ошибочно принимая греческие легенды за греческую религию, вообще не мог найти в них никакой морали,^{26.2} и современные ученые унаследовали это заблуждение. Мифы часто безответственны, капризны, изменчивы и развешаются подобно паре вокруг прочной структуры реальной веры и ритуала. Высокая религия может привлекать низкие мифы: некоторые из наших собственных не безупречны, но христианство может игнорировать их. Миф, который является важным фактом для изучающего религию, - это тот, который закрепляет какую-то живую религиозную идею или институт, или тот, который доказывает выживание какого-то ритуала или веры, принадлежавших к более древней системе. Я могу отметить несколько подобных примеров, которые иллюстрируют сходство иудейских, христианских и языческих легенд. Прекращение человеческих жертвоприношений в районе Средиземноморья, пробуждение убежденности в том, что эта практика отвратительна милосердному Богу, повлекло за собой столь важные изменения в религиозной и моральной мысли и практике, что было бы странно, если бы о ней не осталось легендарных свидетельств. Мы можем различить один из них в истории о жертвоприношении Авраама; очень поразительную и близкую параллель которому мы находим в лаконской легенде о Елене, чей отец намеревался принести ее в жертву Богу, чтобы остановить эпидемию:^{27.1} орел, посланник Бога, спикировал вниз и, выхватив нож из руки жертвоприносящего, уронил его на козленка, который пасся неподалеку. Опять же, мы все знакомы с историей обета Иеффы: не так хорошо известен факт, что история, идентичная почти во всех деталях, была рассказана об Идомеене, критском герое,^{28.1} который поклялся, что, если он вернется домой с Троянской войны, он принесет в жертву Богу первое, что встретит на берегу: его дочь была первой, кто встретил его - и Идомеиной "поступил с ней согласно своему обету", или намеревался сделать это, и люди изгнали его за это. В отличие от них, но принадлежащие, так сказать, к внутреннему кругу священного повествования, есть одна или две евангельские истории, которые не характерны ни для Палестины, ни для наших священных книг. Чудесная звезда, которая направляет священных персонажей в выполнении божественного поручения, должно быть, является анатолийской звездной легендой, поскольку в ней рассказывается об Энее и его путешествии в Италию.^{28.2} И критическая оценка стиля эллинского фольклора сразу обнаруживает ярко выраженный эллинский колорит в легендах, которые собираются вокруг рождения и воспитания Девы в апокрифическом Евангелии от Святого Иакова. Более важным и наводящим на размышления о гораздо большем является параллелизм, который мы обнаруживаем между историей об искушении нашего Господа и искушением Заратустры в Зенд-Авесте: здесь также злой бог предлагает святому пророку царства мира, если он падет ниц и будет поклоняться ему.^{29.1}

Наконец, не исключено, что странная легенда, сохранившаяся в различных позднегреческих рукописях, о сошествии Девы Марии в ад,^{29.2} где ей показаны муки проклятых, в конечном счете происходит от вавилонского мифа о сошествии Иштар, который в греческом мире трансформировался в историю о сошествии Афродиты. Это предположение согласуется с доказательствами, которые будут приведены ниже в пользу веры в то, что развитие культа и божественный характер Девы во многом, прямо или косвенно, были обязаны великому анатолийскому культу богини-матери.

Что касается только что упомянутой легенды, мы можем предположить прямое заимствование или, по крайней мере, прямое мысленное внушение из более древней мифологии и веры. По отношению к другим примерам, которые я привел — вероятно, лишь несколькими из многих, которые можно было бы процитировать, — теория заимствования может оказаться неподходящей.

Возможно, было бы более научно и, безусловно, в настоящее время более целесообразно довольствоваться предположением, что на протяжении тысячелетий на сопредельных территориях сходство религиозных темпераментов, религиозных институтов и религиозных кризисов могло приводить к возникновению общего запаса легенд; правдива ли эта легенда или ложна, нас сейчас не касается.

Теперь я перехожу ко второй группе сходств, относящихся к номенклатуре и терминологии. На первый взгляд это может показаться вопросом, несущественным для эволюции религии и имеющим чисто лингвистическое значение. Народ, меняющий свою религию, не может внезапно изменить свою речь, но должен приспособить старую терминологию к новому мышлению. Изучающему язык может быть интересно узнать, что, когда святой Павел обещает “показать вам тайну”, он заимствует язык язычества; что, когда епископ Клеменс^{31.1} восторженно восклицает: “Господь - наш иерофант; держа священный факел, Он отметил посвящаемого Своей собственной печатью ... однажды приобщитесь к нашей мистерии, и вы будете танцевать в хоре ангелов”, - он использует фразеологию Элевсинских мистерий и мистерий Аттиса. Но интерес такого стиля, который достаточно прокомментировал доктор Хэтч, больше, чем лингвистический; ибо он предвещает реальную, хотя, к счастью, временную перемену, произошедшую с христианством в первые несколько столетий его жизни, превратившую его из открытой доктрины в мистику, организованную по древнегреческому типу. Более того, современный логический взгляд на имена как на просто безразличные речевые символы, которые можно изменять, не затрагивая сути вещей, ни в коем случае не был взглядом старого света. Формула *nomina sunt numina* была действительна во всех старых религиях Средиземноморья, включая раннее и даже более позднее христианство: божественное имя считалось частью божественной сущности и само по себе обладало сверхъестественной силой; и это будет иметь первостепенное значение, когда мы рассмотрим формы древней молитвы. Поэтому распространению новой религии было бы оказано большое содействие, если бы она могла позволить себе использовать хотя бы некоторые из имен, могущественных и знакомых в старом вероучении. Личные имена различных божеств язычества, вследствие отмеченной выше ментальной иллюзии, неизбежно вызывали ненависть к новой вере и были безжалостно подавлены, сохранившись просто как имена демонов или в целях магии: только в отдаленных уголках старого света один или два, возможно, все еще сохранились, как бы очищенные и пребывающие в мире, как в современной часовне “Панагия Афродитисса” недалеко от старого Пафоса на Кипре. Но некоторые из священных имен

греческого язычества были простыми апеллятивами, обладавшими меньшей индивидуальностью, и поэтому были невинны в ушах христианских пропагандистов. И двум из них было суждено стать названиями первичной добродетели в терминологии новой веры. Когда апостолы и их преемники проповедовали Евангелие “Спасителя”, этот титул мог пробудить, по крайней мере, ответный религиозный трепет в сердцах эллинов, воспитанных в религии своих предков. Ибо оно долгое время было связано с их верховным богом, а в своей женской форме - с их любимой богиней Корой, и применительно к ней это обращение уже означало “спасение” после смерти;^{33.1} и александрийские греки уже использовали его для освящения божественного человека, представителя Бога на земле, “живого образа Бога”, как назвал один из позднейших Птолемеев на экстагическом языке розеттской надписи.^{34.1} Но в истории божественных имен ни одно не имело большего значения как для язычества, так и для христианства, чем “Коре - Парфенос” и греческая и фригийская “Божественная Мать”, θεῶν Μητήρ. По крайней мере, вероятно, что распространенность культа и имени “Коре”, богини, даровавшей спасение в дохристианском эллинском мире, послужили сильным стимулом для последующего роста и распространения мариолатрии, которая является одним из тех явлений в истории Церкви, которые невозможно адекватно объяснить, не выходя за пределы собственно христианства. Орывок из Панария Епифания,^{34.2} представляет особый интерес для тех, кто желает изучить переходный период между старыми вещами и новыми. Этот автор сообщает нам, что в ночь с 5 на 6 января в Александрии верующие собрались в священной ограде или храме “Коре” и, распевая гимны под музыку флейты до рассвета, они спустились при свете факелов в подземное святилище и вынесли оттуда деревянного идола на носилках, изображающего Коре, сидящую обнаженную, со знаком креста на лбу, руках и коленях. И под аккомпанемент флейт, гимнов и танцев изображение пронесли вокруг центрального святилища семь раз, прежде чем оно было возвращено в свое подземное обиталище: “и приверженцы говорят, что сегодня в этот час Кора, то есть Дева, родила Вечного”.

Странно, что Епифаний приводит этот обряд в качестве примера чистого язычества. Это не может быть правдой: изображение было тщательно подписано крестом таким образом, чтобы предполагать не случайное насилие, а преднамеренное намерение верующих; также не могла формула “Дева родила Вечного” быть частью чисто языческой литургии, посвященной эллинскому Коре. Еще меньше служба могла быть чисто христианской: по крайней мере, я представляю, что обнаженная Девственница, которую держат в пещерном святилище и носят повсюду с тимпанами, была бы уникальным фактом в христианской археологии. Нам навязывают веру в то, что мы имеем здесь смешение по крайней мере двух соперничающих вероучений в переходный период. Древний ритуал Кору в Александрии, богини подземного мира, статуя которой хранилась в подземной пещере, возможно, включал в себя своего рода страстную игру, в ходе которой рождалось святое дитя: поскольку это происходило примерно в начале января, его тем легче было приспособить к требованиям постепенно преобладающего христианства. Идол освящается крестным знаменем, а ребенка называют “Айон”. Это имя выдает действующее влияние. Доктриной, которая наиболее ревностно стремилась объединить различные элементы языческого и христианского вероучений, был гностицизм, а “Айон” был фигурой, которую гностики позаимствовали у митраизма.^{37.1} Похоже, что религиозные лучи из Эллады, Персии и Вифлеема сошлись в александрийском “Корионе”. Но имя Κόρη, по-видимому, обычно не входило в состав священного титула, принятого ранней Церковью для Матери Господа нашего. Вероятно, название приобрело личные ассоциации с языческой богиней слишком сильно, чтобы позволить ему быть использована для новой веры;^{37.2} ни было

идеи девственности, так что напрямую оно обозначалось как термин παρθένος: отсюда ἡ παρθένος ἄνῃ или ἡ ἄγία παρθένος выбирается для христианина наименования места Мэри. Но сами эти слова принадлежат к древнему иератическому словарю Эллады, поскольку богине-деве, известной не под другим именем, как Парфенос, долгое время поклонялись в различных государствах Малой Азии и Фракии;^{38.1} “Агне”, “Святая”, была божеством, дорогим аркадянам;^{38.2} а в Ассосе, главном порту Мизии, который посетил святой Павел во время одного из своих путешествий, надпись свидетельствует, что “Святая Дева нашего отечества” — таков ее стиль — была названа “Святой Девой”. преобладающий в языческом богослужении.^{38.3} Более того, священный титул “Богородица” соответствовал очень древней и доминирующей средиземноморской вере: в доисторические времена с Крита, а в более поздний период из Фригии, распространилось поклонение божественной матери, широко известной как “Мать богов” или “Праматерь”, которое оставило глубокий след в религиозном воображении различных рас греческого и римского мира. Не будет парадоксом утверждать, что один из потоков, который способствовал более позднему росту мариолатрии, возможно, происходил из минойского дворца в Кноссе.^{39.1}

Что касается третьей группы в моей классификации, внешних символов и литургических предметов, мы могли бы предположить, что они в основном относятся к деталям археологического изучения. Философ может игнорировать их как тривиальные факты; но они были причиной слишком большого кровопролития и раздоров, чтобы их можно было игнорировать в истории религий, и чувства, которые они возбуждают, все еще достаточно сильны, чтобы разделить церкви и секты христианского мира. Кроме того, если одна религия заимствует свои символы и священные предметы у другой, она, вероятно, заимствует гораздо больше. Можно показать, что использование свечей и благовоний в церквях, мода на определенные церковные облачения пришли к нам из дохристианского мира. И было вполне естественно, что новая вера взяла на себя религиозную собственность язычества, по крайней мере, все, что она могла получить без нарушения своих собственных основных принципов. Только антропологическое изучение этих деталей, которые сами по себе кажутся незначительными, позволяет нам понять некоторые современные противоречия, как, например, в отношении благовоний, а также оценить необычайное упорство, с которым последующие поколения придерживаются меньших предметов культа. Эти последние ощущаются как часть чар, наложенных на нас незапамятной традицией, чар, которые тем более сильны, что воздействуют на “подсознательное” я; и те, кто их поддерживает, редко осознают первобытную причину, которая ими руководствуется. И часто вопрос о символах или священных объектах поклонения, в отличие от идей и личностей, становится, очевидно, первостепенно важным для сравнения и классификации религий. Таким образом, различие между культовыми или идолопоклонническими и аниконическими или неидолопоклонническими культами имеет глубокое значение, поскольку оно может соответствовать различию между более и менее антропоморфной концепцией божества или вере в то, что его воплощение в материальных объектах является правильным и приличным или неправильным и неприличным. Чем более духовной становится религия, тем больше в ней склонности обходиться без идола и даже отвергать его; таким образом, поклоняющийся Яхве был настроен враждебно к окружающим племенам, а в иранском регионе приверженец заратустры - к поклоняющемуся дэвам. История христианства в отношении этого вопроса знакома всем нам: несмотря на яростные протесты его апостолов и более ранних пропагандистов, унаследовавших духовные иудейские взгляды, мы знаем, что все усилия императоров-иконоборцев не смогли подавить почитание изображений в

более поздний период. Даже на тевтонском севере христианство пришло в дни, предшествовавшие Реформации, и приобрело культовый характер, который не объясняется наследственной традицией наших языческих предков: которые, безусловно, вырезали изображения, вопреки тому, что говорит нам Тацит, но, по-видимому, не были явно идолопоклонническими. Мы безошибочно обнаруживаем здесь непреходящее влияние греко-римского язычества, в котором идолопоклонство пустило столь глубокие корни, удовлетворяя художественно-религиозные пристрастия людей. У нас есть записи о превращении старых статуй в христианские изображения; в эпиграмме мы находим Геракла, трогательно жалующегося на то, что его заставляют стать святым Лукой:^{42.1} на прекрасной голове Афродиты в Афинах грубо выбит крест, возможно, для превращения ее в Деву:^{42.2} в настоящее время в Южной Италии существует изображение Мадонны дель Гранато с гранатом в руках, которое по любопытной цепочке свидетельств с некоторой вероятностью восходит к Гере Аргоса, вырезанной Поликлеитосом.

Теперь изображение можно рассматривать в двух аспектах: как символ, просто приближающий к чувству духовную идею божественности, и служащий для стимулирования молитвенной мысли верующего; или же его можно почитать как внутреннюю обитель божества, в которой он обычно пребывает, или в которую его можно принудить войти с помощью заклинаний и кровавых жертвоприношений. Первая - это более духовная и продвинутая точка зрения, ортодоксальный аспект изображения в культовых церквях христианского мира в большинстве периодов; и это выдвигается в качестве извинения за то, что может показаться идолопоклонством: мы можем мимоходом отметить, что такое же извинение выдвигалось передовыми защитниками язычества. Вторая - более примитивная точка зрения, принимаемая людьми в большинстве периодов, а иногда терпимая или даже поощряемая некоторыми церквями: идол считается чудесным, наделенным божественной силой, возможно, сам по себе являющимся самим божеством; и некультурные греки, которые били идола Пана щипцами, если еды было мало,^{43.1} или связывали изображение Афродиты веревками, чтобы оно не убежало,^{43.2} бретонский кузнец, упомянутый Ренаном, который угрожал изображению святой раскаленными щипцами, чтобы заставить его уйти. чтобы исцелить своего сына, современного дикаря, который обмазывает своих идолов кровью,^{44.1} должны быть отнесены к одной категории в морфологии религии.

Идолопоклонство в этом смысле является высшей формой фетишизма, который, строго определяемый, представляет собой почитание материальных объектов, часто созданных с помощью искусства и обработанных таким образом, чтобы наделить их божественной силой, приносящей удачу владельцу. Предполагается, что оно означает дикость, но пережитки этого встречаются в большинстве цивилизованных сообществ, и, вероятно, все мы унаследовали какой-то слабый отпечаток фетишистского духа, и нам не нужно пугаться, если мы обнаружим его в высших религиях.

В Древней Греции фетиш был достаточно распространен: священные топоры, священные скипетры, пирамидальные или конусообразные камни, грубо обтесанные пни деревьев - примеры, которые мы находим в литературе и искусстве исторического или доисторического периода; наиболее распространенным видом личного фетиша был драгоценный камень, который носили как амулет. Этот суеверный взгляд на драгоценные камни, принадлежащий к первобытной вере, сохранялся на протяжении многих веков. Более того, как в общественной, так и в частной религии христианского мира во многие периоды, и даже в настоящее время, мы

можем легко распознать фетишистскую ценность священных предметов, реликвий, распятий; и саму Библию иногда носили при себе как амулет, защищающий человека от опасности, и ее современное использование в английской юридической клятве свидетеля, “целующего книгу”, соответствует фетишистскому типу клятвы, который был распространен в первобытных тевтонских общинах.^{45.1} Когда Тертуллиан восклицает: “Как велико!” есть разница между деревом креста и бесформенными деревянными эмблемами Паллады или Цереры”,^{45.2} он думает в целом о большой разнице между христианством и эллинским политеизмом. Что касается отношения христианских и языческих верующих к этим символам своего культа, о которых упоминает Тертуллиан, мы не уверены, что можно провести какое-либо такое общее различие. “Поклонение истинному дереву креста”, о котором мы слышали в последнее время, если мы просто примем во внимание природу религиозного объекта и ценность материальной вещи для веры, должно быть названо фетишизмом: по крайней мере, я не знаю другого слова, столь же подходящего в терминологии науки о религиях. Несомненно, современный разум при выполнении таких ритуальных практик может провести различие между неодушевленной или материальной вещью и божественным духом, который ее освящает. Но так же может поступить и разумный дикарь, который не заботится о своем куске дерева, когда думает, что дающий силу дух покинул его. Таким образом, фетишизм высших религий и веры дикарей морфологически одинаков; существенное различие заключается в концепции божества, которое, как предполагается, оживляет или освящает материальную вещь.

Было бы неправильно приписывать фетишистские наклонности, обнаруженные в христианских общинах, исключительно эллинскому или средиземноморскому течению нашей религии; ибо мы должны считаться с сохранением среди более поздних ритуальных обрядов суеверий северных народов, а фетишизм, несомненно, был характерен для ранних тевтонских, кельтских и славянских рас. В этом вопросе, как и в других, мы должны отметить, что пуританизм ранней Церкви не мог одержать верх над силой привычки и незапамятных традиций.

Иллюстрацию этой группы сходств можно завершить замечанием о том, что самая почитаемая эмблема нашего вероучения, сам крест, уже был в моде как религиозный символ некоторых ранних языческих народов; он играл определенную роль в древнеегипетских^{47.1} и ассирийских ритуалах, а недавно доктор Эванс показал нам во Дворце Миноса на Крите часовню креста, посвященную поклонению божественной матери.^{48.1} Мы не можем пойти дальше предположения, что распространение христианства привело к возможно, этому способствовал тот факт, что эмблема новой веры не казалась совершенно незнакомой некоторым обращенным расам.

Что касается сходства, заметного в отношении иерархических институтов, организации церквей, отношений Церкви и государства, у меня хватит места привести лишь несколько характерных иллюстраций. Самая ранняя христианская церковь, частное религиозное общество, объединенное узами веры, члены которого помогали друг другу в удовлетворении нужд, с простой демократической организацией еkkлeсии и священных чиновников, не показалась бы современному греко-римскому миру незнакомым явлением; поскольку ее семейное сходство с эллинскими “тясяями” или культовыми братствами было достаточно очевидным, и его часто комментировали. Они, подобно ему, часто обращались в свою веру и, игнорируя кастовые, родовые и городские барьеры, в принципе принимали религиозное братство людей. “Хорошо считать всех людей друзьями и братьями, как семью Божью”, -

говорит Аполлоний,^{49.1} повторяя доктрину стоиков. Почва была готова для новой космополитической религии.

Рассматривая историю иерархии в христианском мире, мы часто вынуждены обращать свой взор назад, к дохристианскому периоду. Например, настойчивое требование апостольской преемственности в различных церквях, являющееся основным догматом веры многих в настоящее время, полностью соответствует очень старой средиземноморской традиции: в эллинском язычестве нередко утверждается, что священник должен происходить непосредственно от бога, которому он служит, или от первого апостола, установившего определенный культ или мистерию;^{50.1} мы слышим о том, что священник квалифицируется “по происхождению и божественному назначению”.^{50.2} Но в более ранний религиозный период преемственность или нисхождение рассматривались в линейном порядке. и физический смысл: это превратилось в идею духовной преемственности, поддерживаемой, однако, непрерывностью физического, хотя и мистического контакта. Здесь, как это часто бывает при сравнительном изучении религии, мы должны отметить, что физические и материалистические идеи более примитивного периода сохранились и в более поздний период, но приобрели духовное значение.

Отношения между священством и государством были одним из животрепещущих вопросов светской и религиозной истории Европы. Чтобы полностью понять все особенности государственной организации Церкви и многие спорные моменты, нам часто приходится углубляться в летописи раннего арийского и средиземноморского общества. Мы можем отметить кое-где в языческом анатолийском регионе появление идеи о том, что священник должен быть светским господином,^{51.1} в то время как в большинстве ранних арийских обществ, по-видимому, сохранялось подчинение духовной власти светской. Изучение северных саг наводит на мысль, что борьба, приведшая к определенному решению во время Реформации, уже была решена на тевтонском Севере задолго до христианства;^{52.1} также светский характер женатого английского духовенства в наш период до завоевания является лишь отражением старого тевтонского обычая.

Безбрачие священства - это, опять же, вопрос, который взволновал и разделил церкви, и не похоже, что мы сами покончили с ним. Чтобы проследить его происхождение и внутреннее значение, необходимо широкое антропологическое исследование, и, возможно, я смогу вернуться к нему в другой связи в более поздней лекции. В истории Церкви мы можем проследить религиозные идеи, лежащие в основе догмата безбрачия, до аскетического энтузиазма третьего и четвертого веков, и, возможно, мы правы, связывая это с ростом мариолатрии. Но первоначальный источник этого явления лежит далеко в основе нашей религии; стремление к религиозному безбрачию долгое время соответствовало темпераменту некоторых анатолийских рас. Мы находим его могущественным в иудейской секте ессеев; а в антропологии первобытных обществ мы часто сталкиваемся с идеей, что девственное тело - единственный орган, пригодный для полного божественного раскрытия.

В другом административном вопросе, в положении женщин в отношении служения, мы можем проследить противостоящие силы различных дохристианских традиций.^{53.1} Их нынешнее полное отстранение от священных функций во всех сектах, за исключением нескольких, показывает триумф иудейского правления, санкционированного и настоящего святым Павлом; это совсем не соответствует тевтонским или греко-римским религиозным обычаям; и

фактически мы обнаруживаем, что в первые века существования Церкви, когда греческое влияние было наиболее сильным, определенные должности служения могли выполняться женщинами; мы даже слышим о еретичке секта в пятом веке, прославившая себя оргиастическими процессиями “жриц Девы Марии”.^{54.1} Все еще возможно, что старая тевтонская точка зрения в этом вопросе может возродиться.

Если мы пытаемся дать полный отчет о каком-либо из важных церковных институтов, например, о крещении младенцев или римском исповедании, нам следует, по крайней мере, прежде чем мы сможем заявить, что какой-либо конкретный институт является спонтанным или уникальным ростом, рассмотреть религии, примыкающие к христианству или непосредственно предшествующие ему. Что касается практики исповеди, обычай, который, как я надеюсь показать, может быть объяснен как связанный с ритуалом очищения, то его установление, по крайней мере, нельзя рассматривать как уникальное явление в ранней Церкви. Очень простая форма этого, по-видимому, была известна иудейской системе и фигурирует как формальный элемент в вавилонской литургии:^{54.2} как духовное облегчение, к которому человек мог добровольно прибегнуть, это поощрялось дельфийским оракулом;^{55.1} как часть очистительного ритуала, который предшествовал посвящению, этого требовали таинства Самофракийских мистерий; и именно в анекдоте о них мы встречаемся с первым примером свободного протестантского духа, отвергающего эту практику.^{55.2} Мы можем сделать вывод, что это было несвойственно характеру и чуждо традиции наших тевтонских предков, в записях о языческих институтах которых нет и намек на это, и Алкуин жалуется на своих готов, “что никто из мирян не желал исповедоваться священникам”.^{55.3} Вполне возможно, что это был спонтанный рост южного христианства; но, по-видимому, оно возникло сначала в ранних монашеских орденах,^{55.4} и, поскольку они по своему происхождению имели определенное сходство с древними монашескими орденами. в нехристианских мистических братствах, где эта практика не была неизвестна, вполне возможно, что и в этом вопросе дохристианская традиция все еще оказывала некоторое влияние. Или, если это маловероятно, мы должны утверждать, что сходные условия порождают сходные продукты во всей области, с которой имеет дело сравнительное религиоведение; и самое поразительное сходство с христианской конфессией можно наблюдать в древнемексиканском ритуале, если мы можем доверять Саагуну.^{56.1} Что касается другого предложенного примера, мы, вероятно, обнаружили бы, если бы проследили историю и происхождение крещения младенцев, что дохристианская традиция была мощной эффективной силой в решении вопроса; по крайней мере, были веские причины, по которым этот обряд вскоре должен был быть поддержан ранней Церковью., ибо аналогичные обряды, посредством которых новорожденный ребенок посвящался божеству, вероятно, были частью наследственной традиции большинства обращенных рас. Мы знаем, что у многих эллинов был обычай торжественно обносить младенца вокруг костра - процесс очищения, а также освящения;^{57.1} северные германцы окропляли младенца водой:^{57.2} и когда Аристотель говорит нам, что у многих варварских племен был обычай окунать новорожденных в речную воду, чтобы закалить малышей, он ошибочно принимает религиозный обряд за светский.^{57.3} Рассматривая крещение взрослого неопита, мы понимаем, что найдете интересное сходство с церемониями дохристианских мистических посвящений; идея, обычно выражаемая в этих последних, о том, что оглашенный умирает для своей старой жизни и рождается свыше, была охотно принята и развита более поздней религией и здесь, как и там, наложила свой отпечаток на ритуал: смерть и возрождение фактически имитировались в мистическом служении.^{57.4}

Сходства между христианским и языческим ритуалом, во многих случаях, несомненно, являющиеся результатом прямого наследования, требуют более детального исследования, чем они были до сих пор, особенно в отношении календаря праздников: даже ранние авторы Церкви придерживались мнения, что праздник Очищения Девы Марии в феврале был развитием древнеримской февральской церемонии, учрежденной Нумой;^{58.1} и такие имена христианских святых и епископов, как Иларион, Илариус, свидетельствуют о популярности Иларии, праздника Адониса в последние дни язычества. Многое еще можно было бы узнать, если досконально изучить греко-римские летописи в сочетании с путешествиями по средиземноморским землям и личным наблюдением за ритуалами праздников и постных дней в отдаленных деревнях.^{58.2}

Наконец, остается вопрос, более важный и запутанный, чем все предыдущие, относительно сходства христианской и дохристианской религий в первичных идеях и основных верованиях. Указывать на сходство не обязательно означает игнорировать контрасты; просто для современной науки более полезно подчеркивать первое, поскольку вторые достаточно очевидны и всегда подчеркивались. Но мы должны остерегаться слишком опрометчивого принятия факта сходства за доказательство действительного происхождения; мы также не должны игнорировать истину о том, что две религии могут существенно отличаться по сути, хотя они используют одни и те же материалы мышления и веры. Предмет требует больших знаний и критического осмысления, и я могу только указать здесь на подсказки, которые уже были использованы и могут быть использованы в дальнейшем. Вероятно, нет необходимости обращать ваше внимание на тот факт, что воплощение Божества в человеческом облике было привычной концепцией для цивилизованных и получивилизованных рас старого света и было в равной степени связано с как мифическими персонажами, так и с реальными людьми. То, что такая личность могла служить посредником между человеком и Верховным Богом, было доступно воображению эллинов, египтян и даже латинян; и хотя идея, по-видимому, не была вплетена ни в какую ткань веры этих рас, она появляется как естественный продукт на более высоких стадиях политеизма, и во многих примитивных и развитых обществах она доминировала во взглядах людей относительно личности и положения царя.

Еще более важным для целей религиозного сравнения является широкое распространение в средиземноморских сообществах веры в смерть и воскресение божества: и это было темой многих недавних антропологических исследований.^{60.1} Сейчас не время изучать ее происхождение и значение или отслеживать различные явления, которые иллюстрируют ее и группируются вокруг нее в средиземноморских культах. Я бы просто мимоходом обратил внимание на тот факт, что вера существовала и, вероятно, была выражена в дохристианском ритуале родного города Святого Павла Тарсоса,^{61.1} и что она была особенно сильна в мистериях Аттиса Великой Матери Фригии и Крита; мы знаем, что они праздновались в сезон, который соответствовал концу нашего Великого поста и началу Пасхи, что им предшествовал пост и начинался с причитаний, верующие собирались в скорби вокруг гроба умершего божества; затем следовали мистерии Аттиса Великой Матери Фригии и Крита. воскресение, и воскресший бог дал надежду на спасение мистическому братству, и вся служба завершилась праздником ликования, Иларией.^{62.1} Сами христианские отцы были поражены глубоким сходством между этим и их собственной мистерией, и у них возникло искушение приписать это дьявольскому духу пародии. Мы можем принять слова Фирмика Матернуса,^{62.2} которыми он завершает свое

описание такой Мистерии Аттиса, как я изложил, — “воистину, дьявол имеет собственных христиан”, - как текст очень важной главы в сравнительном религиоведении. Мы слышим о новообращенном христианине на Крите, соблазненном очарованием Илари; а Фригия, его прародина, была одним из первых оплотов христианства. Здесь, по крайней мере, мы можем предположить, что древние догмы и ритуалы народа были одной из предрасполагающих причин, действующих в пользу нового.

Изучающий сравнительный анализ должен также внимательно изучить то, что называется эсхатологическими доктринами, верованиями относительно посмертного счастья, спасения и проклятия не только иудейской, но также эллинской, анатолийской и египетской религий: и особенно религий эллинских, поскольку именно они были наиболее широко известны в греко-римском мире, и современная теория временами пыталась проследить происхождение апокалиптической литературы христианства от эллинских источников.^{63.1} Исследование потребовало бы тщательного изучения Элевсинские и Орфические мистерии, в обеих из которых мы находим содержательную идею о том, что спасение после смерти зависело от религиозного акта веры или от мистического общения с божеством, которое могло быть достигнуто на земле с помощью таинства или других литургических средств: и исследование будет включать вопрос, насколько в этих более ранних системах доктрина спасения по вере фактически сочеталась с какой-либо примесью этической доктрины спасения делами. И окажется, что эта проблема, как и многие другие в научном изучении религии, касается как философии, так и религиозной истории.

Идеи, связанные с жертвоприношением в средиземноморском мире, давно признаны жизненно важным предметом исследования сравнительной науки; и как низшая, так и высшая антропология могут внести большой вклад, необходимый для полного понимания эволюции христианского учения о божественной жертве и Святом Причащении. Мне нет необходимости здесь распространяться на эту тему, даже в качестве простой иллюстрации, поскольку я уже касался ее, пусть и неадекватно, в предыдущей статье:^{65.1} это сложная и увлекательная тема, требующая дальнейших исследований.

Но для доказательства возрождения на новой христианской почве старой дохристианской религиозной мысли и устремлений нет более плодотворного специального предмета, чем изучение мариолатрии. Я уже предлагал в качестве иллюстрации возможность того, что такие языческие титулы, как “Коре-Партенос”, “Мать богов”, оказали постоянное влияние на возбуждение и формирование зарождающейся мысли раннего христианского мира; и я утверждал, что их распространенность соответствовала преобладающим религиозным предубеждениям, которые заставили умы многих народов старого света с любовью прилепиться к богине-матери или божественной деве. Помимо простых названий, изучающий последние дни язычества вынужден почти в каждом пункте отмечать глубокое впечатление от таких идей и энтузиазм, который они вызывали. Во всех ведущих греческих мистериях Мать и Служанка занимали доминирующее положение, а орфические братства ставили Мать рядом с Богом-Сыном и Богом-Отцом; и даже в государственных культах древних центров эллинской цивилизации издавна лелеялся материнский характер божественной силы. Наконец, фригийская религия Матери, к которой был вынужден приспособиться даже митраизм, преимущественно мужская или отцовская религия, захватила большую часть греко-римского мира; и, несомненно, была очень влиятельна в районах Малой Азии, которые посетил святой Павел, и в каждом из городов Семи Церквей. Чувство, которое это вызвало, выражено словами

поэта из среднеаттической комедии: “Для тех, кто обладает истинным знанием божественных вещей, нет ничего более великого, чем Мать; поэтому первый человек, ставший цивилизованным, основал святилище Матери”.^{66.1} Таким образом, это ведущий фактор религиозной психологии обращенных народов, с которым мы должны считаться.

Мы не можем, в соответствии с законами человеческой природы, предполагать, что религиозная традиция с такой наследственной силой, как эта, может полностью утратить свою силу при изменении вероучения. Пробелы в летописи, вероятно, делают невозможным предоставить подробное географическое описание, показывающее, как в различных сообществах древнего культа личность дохристианской богини постепенно сливалась с идеальным образом Девы-Матери Христа. Здесь можно упомянуть лишь несколько наводящих на размышления фактов о развитии и организации Мариолатрии. Еретиков-монтанистов Фригии обвинили в обожествлении Богородицы и в вере в то, что один из их лидеров был соединен с ней мистическим браком - вера, естественная для фригийского язычества; а их основатель Монтан, как говорят, изначально был жрецом Кибелы.^{67.1} Мать Константина, императрица Елена, которая, как предполагается, была вифинского происхождения, получила высокую оценку за то, что украсила священными дарами грот Вифлеема как усыпальницу Богородицы;^{68.1} примечательно, что ее ранние описания часовня должна быть гротом или пещерой, поскольку именно в таких подземных святилищах Фригийской Матери обычно поклонялись на ее собственной земле. Еще одна поразительная аналогия с древним ритуалом богини-матери, является праздник под названием κοίμησις и ἀνάληψις τῆς θεοτόκου, впервые упоминается Андреас Крита (*контур*. 650 г. н. э.), но, вероятно, существовали задолго до его времени: Матери Божией, гибнет и вновь воскресает в Успенском. Было бы особенно интересно, если бы мы могли обнаружить, что этот ритуал впервые стал каноническим на Крите, родине Андреаса; ибо на Крите, как и на Кипре, где Дева приняла имя Афродиты, мы имеем следы аналогичного обряда, в ходе которого богиню Афродиту как мертвую клали на носилки, а затем воскрешали к жизни.^{69.1}

И разве это не более чем совпадение, что в том же городе Эфесе, где во время визита святого Павла фанатики подняли шум в защиту своей Девы Артемиды, примерно шесть столетий спустя люди с таким же восторгом приветствовали решение Синода, провозгласившего Деву-Богородицу (θεοτόκος)? Упоминание Эфеса наводит на мысль о другом соображении, имеющем величайшее значение для изучения развития и распространения христианского догмата о девственности Божьей Матери. Непорочное зачатие, идея, которая долгое время была камнем преткновения для науки и которая недавно была объявлена некоторыми необязательной для христианства, была догмой, которая могла быть легко понята и даже горячо принята новообращенными Анатолии^{69.2} и греческим миром. В самом Эфесе древнюю богиню представляли в некотором смысле как материнское или воспроизводящее божество, но также и как девственницу, в чьем ритуале, проводимом частично монашеским духовенством, соблюдалось строгое правило аскетизма и целомудрия.^{70.1} Согласно местной легенде, великая фригийская Мать сама была чудесным образом зачата, и есть основания предполагать, что иногда ее считали девственницей.^{70.2} Свидетельства, действительно касающиеся подобных идей в дохристианских культах, всегда запутанны, случайны и часто противоречивы, и сами по

себе, по-видимому, не имеют силы выработать неизменный догмат веры. На самом деле было бы неразумно утверждать, что христианские доктрины о Деве-Матери могли возникнуть просто по спонтанному требованию новообращенных анатолийцев или греков. Но мы можем утверждать, что, когда эта доктрина была представлена им, их собственные традиции подготовили их воображение к восприятию ее как близкой по духу. В поздней языческой литературе мы встречаем пассажи, восхваляющие девственность как божественное качество, столь же экстатичные и экстравагантные, как и многие у отцов церкви.^{71.1} Многие народы издавна лелеяли идеал богини-девственницы; большинство из них были почитателями Божественной Матери. Успешное распространение христианства, возможно, было во многом обязано средствам, которыми оно располагало для удовлетворения этих двух чувств и для примирения их в главном символе веры. Тогда мы, безусловно, должны приписать возвышение Марии в Церкви первых шести веков энтузиазму, вызванному более древним поклонением богине. Александрия, возможно, внесла гораздо больший вклад, чем мы уже отметили; и не один автор исследовал глубокую связь развитого мариолатрии с более древней фигурой - Исидой.^{72.1} Экстравагантность энтузиазма, уходившего корнями в старые языческие чувства, иногда порождала ереси. Помимо записей, касающихся монтанистов, значение которых уже было отмечено, наиболее интересной и ценной для нашей цели является проповедь Епифания против ереси коллидерианцев,^{72.2} диких женщин, которые посвятили себя поклонению Марии, и чье оргиастическое служение он описывает и порицает: в своих процессиях они, по-видимому, возили Деву в колеснице, покрытой одеждой, и совершали причастие хлебом; и он добавляет, что они прибыли из Фракии, незапамятного дома женщин-фанатичек и богомольцев. о богине "Царице Артемиде", которой также приносились в жертву зерно.^{72.3} Шествие богини в колеснице, вероятно, было частью древнего трако-фригийского церемониала, и мы слышим о сакраментальном вкушении хлеба при служении Кибеле.

Наконец, мы можем отметить, что восторженная литература, посвященная дохристианской Божественной Матери и Служанке и Деве-Богородице, одинакова по качеству и тону. Молитва, обращенная к Исиде в рассказе Апулея, напоминает нам христианский хвалебный гимн; и более старые литургические или литературные выражения, естественно, окрашивали более поздние.^{73.1}

Другой вопрос, с которым связано сравнительное изучение христианства, касается эволюции идеи тринитарности.^{73.2} Здесь снова необходимо тщательно проанализировать явления смежных религий, чтобы рассмотреть, представляют ли они вообще такую концепцию и приобрела ли она в какой-либо из них достаточную яркость и силу, чтобы вызвать догму религиозной метафизики. Более того, чтобы понять полное происхождение христианской доктрины, мы должны проследить идею божественных эманаций в Средиземноморье и на Востоке; поскольку религии иранского и даже греческого мира представляют нам параллели с процессом, посредством которого Святой Дух становится по отношению к личному Богу отдельной, хотя и тесно связанной личностью. В зороастрийском ритуале почитается Фраваша, или Душа Ахуры,^{74.1} а в греческих спекуляциях и даже культе θεοῦ Πρόνοια, или Божественное Провидение, иногда рассматривается как индивидуум и личная сила;^{75.1} примитивному мышлению незнакома концепция множества существ в пределах одной личности. Этот предмет является одним из самых сложных в области религиоведения, и более обнадеживающее его исследование потребовало бы антропологического изучения в самом широком смысле этого слова в сочетании со знанием более поздней греческой метафизики, которая явно наложила свой отпечаток на нашу доктрину.

Я завершу эти иллюстрации наиболее очевидным примером вклада антропологических исследований в наши знания о реальном христианском мире. Одним из наиболее плодотворных ответвлений древней эллинской системы было поклонение героям, которое само по себе, возможно, возникло как развитие культа предков. Сначала ограничиваясь мифическими персонажами прошлого, оно стало применяться к основателям колоний, законодателям и даже спортсменам; в своем окончательном развитии в последние столетия до Рождества Христова оно было посвящено главным образом королям и династиям, основателям религиозных обществ, деятелям науки и политическим благотворителям. Божественное поклонение смертным, идея, вызывающая отвращение в иудаизме и не принятая более суровыми зороастрийцами, была частью государственной системы раннего и более позднего Египта и, в конце концов, была навязана греко-римскому миру. Почва, на которой она наиболее пышно расцвела, была греческой, а Греция и Анатолия были переполнены часовнями, посвященными недавно жившим людям или увядшим фигурам, которые, как предполагалось, когда-то жили на земле, некоторые из них, возможно, были настоящими предками, некоторые воображаемые персонажи эпического или легендарного мира, некоторые просто функциональные божества второстепенных областей, такие как герой лемеха или герой-покровитель гончаров. Этот рост политеизма пустил свои корни так глубоко, что христианство, несмотря на свой монотеистический идеал, не смогло искоренить его. Древний герой иногда может скрываться под более поздним обликом святого: средневековая гильдия, подобно аттическому братству гончаров, имела своего священного покровителя-покровителя; и любопытно отметить, что в вопросе канонизации папа стал играть точно такую же роль, какую дельфийский оракул сыграл в публичном освящении культа героя: божественное разрешение дается или удерживается наместником или представителем Бога. Важность этой унаследованной традиции в определении нашей религиозной оценки исторического христианства высочайшая: какой бы ни была ортодоксальная догма Церкви относительно статуса святого, такое поклонение неизбежно означает политеизм с точки зрения народной веры: и мы заключаем, что во многих отдаленных общинах христианского мира, как и в древнегреческом мире, низший культ затмевает высший. И это один из самых ярких и достоверных примеров, которые мы можем привести, прямого влияния старых религий на более поздние. Это особое влияние в основном греческое, хотя языческий Север, кельтские и литовские народы и, возможно, тевтонские народы внесли большой вклад в традицию поклонения святым.

Приведенных иллюстраций может быть достаточно в качестве наброска различных применений сравнительного метода к проблемам, которые феномены христианства предлагают изучающему. При выборе иллюстрации может показаться, что я проигнорировал силу иудейского элемента в определении эволюции; но я счел излишним касаться этого, поскольку это давно знакомая тема научного богословия. Я также осмелился предположить, что нашу собственную религиозную историю следует проследить до периода язычества наших предков. И я бы настоятельно рекомендовал изучающим сравнительное религиоведение в Англии уделить особое внимание миру скандинавских саг, поскольку наша английская система культуры странным и фатальным образом пренебрегала этим, что нанесло серьезный урон нашему поэтическому воображению и нашим знаниям о древнем праве, религиозных институтах и темпераменте наших предков. Такой труд, как *Справочник Гольтера по немецкой мифологии*, показывает нам, какой урожай можно собрать на этом поле для науки о религии. Этот предмет сам по себе вызывает наш интерес, и некоторые явления в старой тевтонской

религии, ее фаталистические идеи, ее эсхатологические верования относительно “судного дня”, требуют рассмотрения в свете более продвинутых вероучений. С другой стороны, возможно, неправильно приписывать ему какое-либо прямое влияние на внутреннее развитие Северного христианства; ибо могут быть основания для мнения, что, когда новая религия завоевала тевтонский Север, она обнаружила там в некотором смысле религиозный вакуум, старые ритуалы и вера утратили свою жизнеспособность и силу; и, конечно, язычество наших предков не вело такой борьбы за выживание, как греко-римское. Тем не менее, история его институтов может быть необходима, как уже предполагалось, для объяснения борьбы между Церковью и государством в тевтонских землях; и, далее, только страницы скандинавской саги могут дать нам ответ на вопрос, не унаследовали ли мы с давних времен определенный усредненный расовый закон религиозного темперамента, приводящий к характерному отношению к вопросам религии, которое, возможно, определило нашу религиозную историю. Если бы ответ был утвердительным и определенным, этот факт имел бы практическое значение не меньше, чем умозрительное. По крайней мере, мы не узнаем себя полностью в этом или в других вопросах, если мы продолжим думать, что Греция, Рим и Палестина - наши единственные интеллектуальные и духовные предки; фактически мы можем сказать, что ни одно изложение истории христианства в каком-либо европейском государстве не может быть реальным и полным, если мы не сможем вернуться к дохристианскому прошлому этого сообщества.

И все же, полностью принимая во внимание влияние особых традиций предков, те, кто работает в направлениях, указанных в выбранных мною иллюстрациях метода, обретут постоянно растущее убеждение, что Эллада доминировала в вероучении, как она доминировала в интеллектуальной истории христианского мира; что новая вера, несмотря на свою яростную или презрительную нетерпимость к прошлому, смогла лишь преобразовать средиземноморскую традицию, но не уничтожить ее; что на самом деле часто цитируемый афоризм сэра Генри Мэна, хотя и не совсем верный, был более верен в отношении религиозной истории, чем он сам осознавал.

До сих пор я говорил главным образом об отношениях антропологии к сравнительному изучению религии. И, возможно, сейчас уместно отметить, что антропология, как я пытался определить и разграничить ее функции, хотя и является существенной частью, является лишь частью целого. Ибо мы должны знать не только прошлые, но и настоящие условия, не только эмбриологию, но и совершенный рост. И, опять же, мы сравниваем религии не просто для проверки теорий происхождения, родословной и долга, но также для того, чтобы сформировать правильную оценку каждой из них и исправить одностороннее суждение, которое всегда позволяет быстро объявить это явление или особенность в любой конкретной системе уникальной. Если сравнение выявляет больше расхождений, чем параллелей, результат не менее важен. И сравнительный метод должен применяться не только к ритуалам, литургии, иерархическим институтам, легендам и догмам, но также к различным явлениям и проявлениям религиозного темперамента у различных рас. Только изучение последнего может позволить нам проверить живую силу веры, степень, в которой она овладевает национальным сознанием; и такое изучение возможно только тогда, когда нация создала богатую религиозную литературу или памятники искусства, воплощающие общественное и частное богослужение и религиозные чувства. Мы знаем, чего достигли, открыв священные книги Востока, истолковав вавилонские надписи и открыв их нам в ведийских, иранских и месопотамских культовых центрах, столь же глубоких и страстных, как все, что мы находим в еврейских или христианских писаниях. С другой

стороны, когда религия уходит в прошлое, как в случае с религией доэллинистического Рима, не оставив никакого внятного выражения своей внутренней жизни, наше знание о ней может быть только поверхностным, ограниченным простым ритуалом, фрагментами литургий и внешними проявлениями культа.

Беспристрастное и бесспорное изучение того, что является, по крайней мере, одной из величайших сил в человеческом обществе, не может не быть интересным и плодотворным также для других областей исследования, таких как история раннего права и морали, единственным свидетельством которых во многих первобытных сообществах является религия. Это может даже решить некоторые проблемы, касающиеся ранних миграций рас, в чем я убедился, исследуя различные греческие культы. В Англии подготовленных работников в этой области, к сожалению, все еще мало, возможно, потому, что определенный скрытый предрассудок, порожденный религиозной пристрастностью, еще не исчез и может действовать в некоторой степени как сдерживающий фактор. До сих пор я избегал упоминать о каких-либо практических и противоречивых соображениях, которые может вызвать методическое изучение и распространение этой науки, хотя я хорошо понимаю, что ее практические результаты могут иметь большое значение; но в настоящее время они не являются непосредственной нашей заботой. Однако есть одно такое соображение, которого уместно коснуться, прежде чем завершить обзор методов и функций этого направления исторического исследования, которое в значительной степени связано с происхождением и эволюцией высших форм религии из низших. Открытие истоков, по-видимому, может повлиять на действительность вероучения или определенных статей вероучения. То, что это действительно так в отношении великой проблемы, которой в основном посвящены иллюстрации, которые я представил перед вами, а именно генезиса христианства, недавно было откровенно признано ведущим сановником Римской Церкви: который, тронутый слухами об антропологических исследованиях, быстро обратил их на пользу своему делу, утверждая, что римский ритуал и причастие приобретают силу и обоснованность благодаря открытию, что они унаследовали и впитали в себя религиозную мысль и практику древней Греции и Рима. С другой стороны, другие могут счесть изложение так называемых языческих элементов в сущности христианства противоречащим их чувствам; и, следовательно, они склонны принять изречение “происхождение не влияет на действительность”. Я полагаю, что факты религиозной психологии несколько противоречат этому афоризму. Но это касается только науки сравнительного религиоведения, потому что в истории вероучений очень часто обнаруживалось, что обоснованность поддерживается главным образом апелляцией к происхождению; и поскольку наша наука, повторяю, в значительной степени занимается происхождением, она косвенно связана с теми притязаниями на обоснованность, которые подкрепляются такой апелляцией.

Другой причиной нехватки работников в этой области является сложность предмета, с которым может успешно справиться только продвинутый и зрелый студент. Необходимыми условиями компетентности являются точная филологическая, а также археологическая подготовка с целью надлежащего понимания как текстов, так и памятников; во-вторых, общее знакомство с проблемами и историей философии, и особенно этики, а также с историей ранних социальных институтов и права; в-третьих, всестороннее изучение антропологии. К этому следует добавить глубокое знание по крайней мере двух великих мировых религий, благодаря которому только и можно получить критическое представление о существенных явлениях религиозного опыта нашей расы. Сравнительная наука о религии теперь стала возможной отчасти благодаря трудам

специалистов-филологов по древним языкам Европы и Азии, а отчасти благодаря организации антропологических путешествий.

Позвольте мне в заключение отметить, что разделение труда в этой области необходимо: и особенно в Оксфорде множество возможностей для необходимой предварительной подготовки. Было бы выгодой не только для науки, если бы мы могли увидеть организованную здесь группу зрелых студентов, изучающих различные разделы этого сложного предмета в сотрудничестве и взаимопомощи.

ЛЕКЦИЯ III.

РИТУАЛ ОЧИЩЕНИЯ И КОНЦЕПЦИЯ ЧИСТОТЫ: ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕЛИГИЮ, МОРАЛЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЫЧАИ

Среди всех разнообразных религиозных актов человека, вероятно, нет ни одного, который был бы так широко распространен среди различных рас человечества, как ритуал очищения, и, по-видимому, ни одна идея не обладала такой сильной законодательной властью в различных сферах нашей жизни, как концепция чистоты. Мы можем проследить это вплоть до инстинктов, которые мы, по-видимому, разделяем с высшими животными, и мы можем проследить это вплоть до сложных ритуалов высших религий. Летопись представляет нам огромную массу явлений, которые, насколько я могу обнаружить, еще не были сведены к системе или объединены какой-либо конструктивной теорией эволюции. В этой лекции я рискну попытаться систематизировать предмет, сначала приведя краткое изложение основных фактов, которые хорошо известны изучающим первобытную антропологию и сравнительное религиоведение и с которыми мы сталкиваемся почти во всех исследованных обществах.

На стадии нашей сознательной жизни, которую мы можем назвать, относительно роста человека, первобытной, определенные телесные действия и состояния, а также определенные материальные субстанции рассматриваются как нечистые, способные оставить пятно на человеке. Здесь невозможно попытаться перечислить все примеры, и достаточно упомянуть несколько наиболее ярких и типичных. Жизненные процессы размножения, связанные с ними состояния и активности мужского и особенно женского организма, телесные изменения, происходящие в период полового созревания, относятся к числу наиболее известных явлений, с которыми повсеместно ассоциировалась идея нечистоты в каком-то особом смысле. Главным центром или “очагом” нечистоты является деторождение; но еще более опасно нечистым является его двойник - смерть и все явления смерти. Что касается рождения ребенка, то эта идея постепенно исчезает из нашего цивилизованного сознания; но она оставила глубокий след в нашем сознании или подсознании в отношении смерти. Материальная субстанция, которая чаще всего считалась нечистой, - это кровь; любопытное чувство, которое простое упоминание этого слова часто вызывает у некоторых современных людей, является слабым отражением дикарского ментального состояния по отношению к этому предмету; и влияние этой предрасположенности на развитое общество поднимает наиболее интересный вопрос, в котором сравнительное правоведение, этика и религия участвуют совместно и который будет рассмотрен позже. Продолжая наше перечисление, мы можем не обнаружить, что предметы неодушевленного мира вне нас обычно рассматриваются примитивным мышлением как нечистые сами по себе, но все или большинство из них способны заразиться от нас самих,

например, в результате смерти или рождения ребенка : следовательно, может потребоваться разбить, уничтожить или очистить посуду и мебель в доме, где произошла смерть или рождение. На несколько более продвинутой стадии определенные продукты питания считаются нечистыми, и для особо освященных лиц устанавливается сложный кодекс “тапу”. Затем мы сталкиваемся, но, по-видимому, не с самым примитивным периодом, с различием между чистыми и нечистыми животными, которое также диктует определенные правила и практику питания.

С другой стороны, определенные природные объекты могут рассматриваться как особо “чистые”, будь то на основании определенного внутреннего качества, потому что, например, они яркие и лоснящиеся, или из-за того факта, что они обычно использовались для катарсических или очищающих процессов, таких как огонь, вода, пахучее дерево или специи, или вещества, которые издавали резкий запах, такие как сера. Такие предметы “используются в ритуалах”, - говорит Ямвлих,^{91.1} , - “потому что они особенно наполнены божественной природой”. Но можно с уверенностью предположить, что психические феномены и соответствующие действия, с которыми мы имеем дело, произошли из эпохи, в которой еще не возникло определенного представления о божественной природе, эпохи, возможно, даже не анимистической, поскольку в своей самой грубой форме они, по-видимому, не обязательно подразумевают какую-либо четко сформулированную систему веры в мир призраков и духов. И это размышление подводит нас к первому важному вопросу: что на самом деле представляет собой эта примитивная концепция чистоты и нечистоты и каковы были ощущения, из которых она развилась. Нет ничего более сложного для описания, чем простые ощущения, но можно отличить одно от другого. И мы должны различать современное отношение к чистоте и примитивные чувства, которые мы рассматриваем. То, что “чистота стоит рядом с благочестием”, - афоризм, подсказанный, без сомнения, ощущениями, в корне схожими с ними; но многих дикарей, особенно придирчивых к “нечистоте”, мало или вообще ничего не заботит в том, что мы называем “чистотой”. Мы считаем, что очищающие действия, которые мы сами совершаем, носят чисто гигиенический характер или доставляют удовольствие, частично связаны с инстинктом самосохранения, и некоторые из них, как мы обнаруживаем, совершаются не человеком, а другими животными.

Но дикий ритуал очищения ни в коем случае не обязательно направлен на самосохранение, но иногда может приводить к саморазрушению, и никакие гигиенические, утилитарные или светские соображения не помогут нам далеко продвинуться в объяснении очистительного кодекса Левит, или Зенд-Авесты, или буддизма, или нечистоты табуированных животных. Эти кодексы, хотя некоторые из их предписаний могут соответствовать современным утилитарным идеям, очевидно, связаны с религиозными или суеверными верованиями, и для объяснения различия между чистыми и нечистыми животными потребовался бы долгий экскурс в первобытную религию; различие, безусловно, не является различием между полезным и нездоровым, или приятным и неприятным мясом.

Мы, вероятно, сможем раскрыть природу инстинкта, лежащего в основе большей части очистительных обычаев, взяв в качестве нашего типичного примера дикое чувство крови. Свидетельства почти каждого общества в мире подтверждают, что пятно крови - это первичная нечистота, которая нуждается в ритуале очищения: отсюда возник свод правил, которые были

бременем для домашней жизни, отсюда сложные очищения воинов после битвы или индивидуального убийства. Такие правила никоим образом не напоминают нам о естественном желании принять ванну в конце теплого полевого дня: жестокие очищения после битвы могут длиться неделями; записано, что племя североамериканских индейцев было истреблено, потому что ему потребовался месяц, чтобы смыть пятно от одного конфликта, в то время как их врагам для этой цели потребовалась всего неделя, и поэтому у них было преимущество в виде трехнедельного старта при подготовке к следующему нападению. Чувственный инстинкт, который подсказывает все это, вероятно, является каким-то первобытным ужасом или отвращением, вызываемым определенными объектами, поскольку мы видим, как животные сжимаются от отвращения при виде или запахе крови. Нервы дикаря странным образом возбуждаются определенными стимулами осязания, обоняния, вкуса, зрения: особенно возбуждающим объектом является нечто такое, что мы должны назвать “таинственным”, “странным” или, еще более выразительно, “сверхъестественным”. Для первобытного ума не было ничего более сверхъестественного, чем кровь, и до сих пор находятся люди, которые падают в обморок при виде нее: ибо “кровь - это жизнь”, жизнь и смерть - великие первобытные тайны, и все физические субстанции, которые связаны с внутренним принципом того и другого, причастны к этой таинственности. Для дикаря то, что таинственно, также опасно, и к нему нельзя относиться легкомысленно. Итак, человек, запятнавший себя таким пятном, не просто сам подвергается какой-то необъяснимой опасности, но он способен заражать других; он распространяет своего рода миазмы, он является проводником опасного духовного электричества — всего лишь метафоры, которые, однако, могут позволить нам уловить что-то от примитивной мысли. Поэтому такой человек должен какое-то время избегать общения со своими собратьями, должен быть “табуирован”; и, естественно, он будет пытаться удалить “тапу”, или опасные “миазмы”, с помощью каких-либо магических ритуалов очищения или освобождения. Родственники недавно умерших во всех примитивных обществах нечисты, потому что они соприкоснулись со смертью, главным источником всей нечистоты; поэтому они должны быть изолированы и, пока не очистятся, должны носить какой—нибудь значок или внешний знак, который мы называем “трауром”, чтобы предостеречь других от приближения к ним. “Тапу” все еще остается в цивилизованных сообществах; мы воздерживаемся от вторжения в семью, потерявшую близких, хотя и приводим другие мотивы нашего отчуждения. Так часто случается, что в подобных вопросах мы действуем как дикари; но мы должны на время отказаться от нашего обычного взгляда на вещи, чтобы представить его. Для нас труп может быть объектом отвращения, и он в какой-то степени заразителен; но наш взгляд на него, когда мы хладнокровны, светский и научный: в то время как его примитивный аспект сверхнормален и мистичен, а зараза - это нечто духовное и неизмеримо опасное. В Зенд-Авесте мы находим интересное специальное применение этой идеи: оскверняющая сила мертвых варьируется непосредственно в зависимости от святости или ранга умершего; таким образом, она наибольшая в трупе священника, несколько меньшая в трупе воина и наименьшая в трупе земледельца.^{97.1} *corruptio optimi pessima*: самый священный человек может осквернить больше всего, потому что он наделен самой таинственной и, следовательно, опасной силой. Латинский термин “sacer” имеет двойное значение “святой” и “проклятый”: от одного и того же греческого корня αἵ происходит слово, обозначающее святость, и слово, означающее “осквернение”. Первобытная мысль или чувство удерживают вместе в смутном единстве идеи, которые впоследствии дифференцируются и даже становятся противоположными. Одна и та же сила излучающего опасного влияния, которая, как предполагалось, была присуща святому человеку,

оскверненному человеку и оскверняющей вещи, изначально подводила их под одно и то же смутное представление.

Попытка проследить и объяснить все детали этого суеверия не принесла бы нам пользы: длинные списки чистых и нечистых вещей, которые можно было бы составить, не раскрывают никакой единой регулирующей идеи, и ничто так не сбивает с толку, как эксцентричность предрассудков и страха. Но это суеверие часто исходит из собственной логики: поскольку труп наиболее нечист, и все, кто прикасается к нему, нечисты, следовательно, собаки, волки и птицы-падальщики нечисты и их нельзя есть; и все, что сколь бы отдаленно ни напоминало нам об опасности и смерти, например, вызывающие действия и слова, может быть строго запрещено во время ритуала очищения. Поскольку кровь изначально нечиста, любое вещество, аналогичное ей или того же цвета, может рассматриваться как дурное предзнаменование, например, бобы или гранаты. Такое же чувственное отвращение приводит к тому, что зловонные вещества обычно считаются нечистыми; поэтому пища с неприятным привкусом или такая, которая оставляет неприятные следы на человеке, часто подвергается табу со стороны определенных строгих сект.^{99.1} Также можно обнаружить определенный здравый смысл в различии между веществами на основании их большей или меньшей восприимчивости к духовной заразе: глиняные горшки, например, часто считались более легко заражаемыми, чем металлические, и нуждались в более длительной очистке, жидкие вещества были более опасными проводниками, чем сухие. “Если бы сухое смешалось с сухим,” говорит Ахура Мазда в беседе с Заратустрой, “как скоро вся моя материальная земля превратилась бы в одну Пешотану”, что равносильно тому, что земля превратилась бы в склеп нечистоты. И Дарместетер^{99.2} замечает, комментируя этот стих: “В наши дни в Персии евреям не разрешается выходить из дома в дождливый день, чтобы религиозная нечистота, переносимая дождем, не перешла от еврея к мусульманину”. Здесь мы имеем представление о заражении, которое, по-видимому, согласуется с точкой зрения современной науки, только последнее является физическим, первое - мистическим или духовным. Опять же, выбор веществ, используемых для очистки, был продиктован не современным представлением об очищающем качестве, а определенной суеверной логикой, которую мы иногда можем обнаружить. Если жидкие вещества имеют естественную склонность к заражению, то, если мы примем их незараженными и используем для очищения, они легко впитают нечистоты нашей личности и избавят нас от них; поэтому современный дикарь или древний грек могли бы счесть желательным обмазать себя глиной или грязью, чтобы смыть свою заразу: и из этого примера мы видим, насколько отличаются эти первобытные процессы очищения от современного гигиенического мытья, с которым, тем не менее, они часто имеют близкое сходство. Подобным рассуждением мы можем объяснить непоследовательность, которая иногда появляется в катарсическом ритуале; вещество, нечистое в качестве пищи, могло использоваться в целях очищения: например, мы находим чеснок, используемый в качестве катарсиса при поклонении фригийскому богу Мену в Афинах.^{101.1} Огонь, универсальный очиститель, возможно, был наделен этой способностью по праву своей природы, но частично, по всей вероятности, потому, что считалось, что он иссушает миазмы и гасит инфекцию.^{101.2}

Согласно кодексу Зенд-Авесты, после целого года сушки под лучами солнца труп, наконец, становится чистым; ибо в силу того же естественного инстинкта, который вызвал отвращение к крови, солнечный свет начинает рассматриваться как самая чистая вещь в мире: мясо, приготовленное в его тепле, более освящено, чем мясо, приготовленное на огне; и некоторые поступки и состояния человека более осквернены лицом солнца.

До сих пор я пытался представить явления без привязки к какой-либо определенной религиозной вере, выразить их, насколько это возможно, в терминах простых ощущений; ибо, как было сказано в начале обсуждения, возможно, что они произошли из дорелигиозной эпохи. Теперь мы можем спросить, как должно было действовать пагубное влияние нечистого на этой первобытной стадии мышления без помощи какого-либо духовного посредника, такого как дух или бог. Мы можем предположить, что это привело к своим результатам косвенно, угнетая жизненную энергию человека, ставшего жертвой суеверия: дикарь мог бы поверить, что это действует непосредственно, по какому-то таинственному закону удачи, парализуя силы человека и мешая ему охотиться и сражаться. Эта идея о спонтанной гипнотической силе зла, которой обладают определенные вещи, кажется, сквозит в стихах Зенд-Авесты. “Вот я, - говорит невезучий человек тем, кого он встречает, - тот, кто прикоснулся к трупам человека и кто бессилён умом, бессилён языком, бессилён руками; сделай меня чистым”.^{103.1} Иллюзорно ли полагать, что мы здесь проникли в психологический корень всего этого? И здесь нет прямого упоминания о духе или божестве.

Но в ранний период такое упоминание было сделано, и именно тогда этот очистительный ритуал действительно положил начало важной карьере. Когда доктрина анимизма прочно утвердилась, она привлекла ритуал и связанные с ним идеи, и анимистический отпечаток на них все еще можно проследить даже в высших религиях. Предполагалось, что опасный дух обитает в нечистой вещи и вызывается нечистым действием; потенция, которая на первобытной стадии чувства, возможно, рассматривалась просто как нечто таинственно пагубное и “сверхъестественное”, теперь становится личной и понятной, и с ней можно иметь дело и изгнать бесов с помощью определенных эффективных правил. Пятно крови на месте убийства привлекает призрак убитого, чтобы преследовать его, определенные продукты нечисты, потому что к ним прикрепляются злые духи, болезни - это специально их работа, и настоящее столпотворение собирается вокруг трупа, роженицы и новорожденного ребенка. Иллюстрации, показывающие, как эта демоническая вера проникла в мировоззрение, содержатся в записях первобытного человека, а также в высшей литературе нашей расы, ведических и иранских священных книгах, Новом Завете, пифагорейских, платонических и неоплатонических текстах. С точки зрения “Зенд-Авесты”, которая рассматривает всю вселенную как перегруженную батарею духовного электричества, единственный неосторожный акт случайной нечистоты является космической катастрофой: сразу же появляются легионы “наркотики” или дьяволов, разрушающих праведный мир.^{104.1} Платон, хотя в целом он сохраняет свое здравомыслие в этом вопросе, находится под властью сходных идей, и неоплатонизм возвращается к взглядам дикарей, полагая, что главная цель *καθαίρειν*, или очищения, заключается в том, чтобы уничтожить праведный мир. заключался в том, чтобы изгонять злых духов из определенных видов пищи.^{105.1}

Глубокая анимистическая окраска, которую очень рано приобрела анализируемая нами концепция, может быть ответственна за очень важное событие в истории религии: эволюцию, а именно, дуалистического принципа, идеи антагонизма между добрыми и злыми духами, зародыши которого мы можем обнаружить уже на анимистической стадии, которая, возможно, предшествовала вере в высших личных богов. Если нечистые вещи и поступки пропитаны злыми духами, естественно предположить, что чистое является обителью добра, и они противостоят одно другому. Возможно, потребовался очень длительный период, чтобы выкристаллизовалась ясная вера в доброго духа; ибо для очень примитивного ума все духи таинственно опасны, даже призраки самых дорогих родственников. Тем не менее, духи предков в целом стремятся к праведности, и им может быть присвоено положение хранителей кодекса

очищения. Таким образом, жители Новой Каледонии отвращали гнев призраков своих предков омовением, постом и целомудрием:^{106.1} древние греки могли молиться или приносить жертвы неопределенной анимистической компании *εξοὶ Ἀποτρόπαιοι* или *Μερίχιοι*, которых, возможно, считали призраками нижнего мира, чтобы отвратить нечистое предзнаменование или смыть пятно крови.

Наконец, концепция чистоты подпадает под власть высшей веры в личного бога. В Греции Аполлон и Зевс приписывают себе ритуал и связанные с ним идеи; в Персии весь сложный кодекс чистоты установлен Ахурамаздой; в Израиле Яхве, который следит за соблюдением мельчайших деталей закона, настаивая на чистоте Бога.^{106.2} В вавилонской, как и в ведической религии, бог огня является в первую очередь очистителем, имя, которое особенно связано с Агни, и мы находим в вавилонских литургических текстах молитву,^{107.1} “Да будет светоч сияющего бога”. бог огня, очисти меня”. Буддизм, по-видимому, также не отличается от книги Левит или Зенд-Авесты в отношении сложности ее очистительных правил и того значения, которое она им придавала. Буддийский миссионер И-Цин призывает верующих соблюдать тщательно разработанные предписания Будды, “потому что,” как он наивно выражается, “богам и духам противны наши способы ношения одежды и употребления пищи”. Имея перед собой такое обилие свидетельств, мы тем более удивлены, обнаружив, что из записей о язычестве наших собственных предков можно почерпнуть очень мало. Мы едва ли можем поверить, что наши тевтонские предки были лишены идеи очищения и что их чистота и целомудрие, засвидетельствованные римскими писателями и еще более ясно их собственными сагами, были добродетелями чисто светского происхождения. И действительно, у нас есть определенные записи о тевтонских ритуалах, которые, по-видимому, указывают на идеи очищения: “После того, как богиня Нертус отправилась в свою ежегодную процессию по деревьям”, как сообщает нам Тацит,^{108.1} “ее колесница, одежды и она сама были торжественно омыты в водах священного озера, как будто святое божество было осквернено ее общением с мужчинами”. Также возможно, что обычай, все еще распространенный среди тевтонского населения Европы, перепрыгивать через костер в канун летнего солнцестояния, является пережитком церемонии огненного очищения, совершаемой перед началом сбора урожая.^{108.2} Несомненно также, что у них были те же правила, что и почти во всех сообществах, как цивилизованных, так и нецивилизованных, касающиеся чистоты храмов; поскольку у нас есть запись исландского закона, согласно которому “Святое место мира” не должно было оскверняться кровью или какой-либо человеческой нечистотой.^{108.3} Тем не менее, хотя можно было бы собрать и другие свидетельства, указывающие в том же направлении, но кажется очевидным, что бремя очистительного ритуала не лежало тяжелым грузом на совести наших отцов, когда начинался рассвет их истории. Мне не известны какие-либо указания, например, на то, что они считали официальную люстрацию после кровопролития обязательной или желательной. И их сравнительная свобода в отношении таких церемоний является фактом огромной важности, с которым мы должны считаться при оценке нашей более поздней духовной истории. В то же время мы можем полагать, на общих основаниях, что в какую-то более отдаленную эпоху они также прошли через период привязанности к тем же идеям и тем же формальностям, которые мы находим столь широко распространенными у других родственных и чуждых рас.

Теперь возникает более интересная сторона исследования - вопрос о влиянии, которое эти катарсические идеи могли оказать на религию, мораль и право. Ради систематизации мы можем попытаться сохранить эту тройственную классификацию, хотя мы обнаруживаем, что она

становится все более иллюзорной по мере того, как наше исследование возвращается к более ранней социальной жизни человека.

Но прежде чем попытаться рассмотреть особые факты, которые проявляются в этих трех областях, хорошо бы отметить одно явление, которое в равной степени касается религии и морали и, возможно, имеет большее значение, чем все остальные, в разнообразном процессе эволюции идеи очищения. До сих пор мы в основном имели дело с фактами, которые, по-видимому, принадлежат к самому примитивному слою человеческого сознания и вообще не являются этичными в современном смысле этого слова: пятно крови, даже вызванное безжалостным убийством, пятно деторождения и сексуальных процессов, заражение трупа - все это по той же причине “подозрительно” для первобытного человека, потому что они сопряжены со смутной и таинственной опасностью, а не потому, что они связаны с понятием греха. Это последнее понятие также не обязательно используется, даже когда суеверием овладел более отчетливый анимизм, а нечистота означает присутствие злого духа: прокаженный, человек, вступивший в контакт с мертвыми, окровавленный убийца - все считаются страдающими от одной и той же болезни, хотя и в большей или меньшей степени. Идея чистоты и нечистоты, на самом деле, будь то материальная и внешняя или духовная в смысле ее связи с миром духов, все еще не этична, и мы не должны применять к ней наши моральные стандарты до более позднего этапа. Она достигает этой стадии и своего более высокого значения для морали, когда развивает концепцию чистого сердца, непорочной души. И то, что это последнее, являющееся одной из наиболее содержательных концепций развитой этики, на самом деле развилось из примитивных ритуалистических и демонических суеверий, может, я полагаю, быть доказано фактами и согласуется с хорошо известным психологическим законом раннего мышления.

Мы обманываем самих себя, если довольствуемся утверждением, что такие термины, как “чистое сердце”, “чистая душа”, являются всего лишь метафорами. Теория метафор - прибежище для тех, кто не понимает или не желает понимать историю религии, и многое можно было бы сказать о далеко идущих последствиях этой ошибочной интерпретации. Душа называлась “ψυχή”, или “анимус”, или “спиритус” не просто метафорой; и выражение “белая печень” не было метафорой для людей, которые впервые применили его к трусу. Первобытный человек может быть жертвой ложной аналогии и ассоциации идей, но эти ментальные процессы означают для него нечто иное, чем метафора означает для нас. Современный Басуто не в качестве метафоры говорит о своем сердце, “черном и грязном”, то есть “нечистом” или “печальном”, это же слово используется для обозначения телесной нечистоты, печали и греха.^{112.1} Цвет нечистого действия или телесного состояния, так сказать, переносится вовнутрь: если действие связано с физическим пятном, то, поскольку вещи, слова и мысли настолько тесно соотносились в ранней психологии, что термин “нечистое слово”, “нечистая мысль” выражает буквальное убеждение: постепенно По мере того как концепция разума и души становится все более и более нематериальной, мы можем прийти к духовной концепции ментальной чистоты, которая имеет ценность для современной этики. Приведенный выше пример показывает, что басуто находятся на полпути в этой эволюции: и определенное племя североамериканских индейцев, обычаи которого были записаны мисс Элис Флетчер, по-видимому, достигло той же ментальной стадии; в своей статье под названием “Вигвам призрака”,^{113.1} она упоминает, что родственники, которые сидят вместе, изолированные от других, и некоторое время оплакивают умерших, должны строго воздерживаться от любых рассказов о драках или “плохих словах”, они должны забыть старые обиды и стереть все обиды.

Ментальный процесс, который приводит к этому превосходному *талу*, можно сформулировать так: скорбящие находятся в состоянии глубокой нечистоты, которую они пытаются очистить; ссоры, мстительные речи и воспоминания усилили бы нечистоту, потому что все это связано с кровопролитием и смертью. Эта аналогия может послужить объяснением любопытного правила, господствовавшего в Афинах, согласно которому любой, кто возлагал ветку-просительницу на алтарь в Элевсинионе в период Элевсинских мистерий, подлежал смертной казни или крупному штрафу.^{114.1} Я бы предположил, что в основе лежит та же мысль: возложение ветки-просительницы указывало на жалобу и было юридически спорным действием, а следовательно, нарушением чистоты торжественного сезона. Вероятно, подобная цепочка рассуждений побудила греков и другие расы высшей религии соблюдать тишину до и во время жертвоприношения, и не только для того, чтобы священника не беспокоила болтовня толпы; для обозначения этого священного молчания используется слово εὐφημία, “благоприятная речь”: очевидно, что первоначальным мотивом правила была защита от произнесения любого нечистого слова, которое могло вызвать дурное настроение у прихожан.

Об этом развитии идеи духовной от идеи ритуальной чистоты язык некоторых высших рас дает такое же указание, какое мы находим во фразе басуто: латинское “purus” и греческие καθαρός и φοῖ βος сами по себе имеют первоначальное материальное или физическое значение; пролитая кровь и непогребенный труп испускают “миазмы”, оскверняющую атмосферу, наполненную опасными духами, и то же самое слово μῑασμα стало обозначать духовное разложение души: прикосновение к трупам называется “миазматическим”. грех” в Зенд-Авесте;^{115.1} и важно, что то же самое слово, которое используется для выражения материальной идеи нечистоты в Ветхом Завете в ранних книгах Закона, используется в более позднем и продвинутом этическом словаре Библии для обозначения реального греха против Бога, понимаемого в современном смысле.

Опять же, у нас есть другие доказательства, помимо лингвистических, того, что самая ранняя концепция греха, которую мы можем назвать духовной, все еще была полуматериалистической и все еще была тесно связана с концепцией телесной нечистоты. Согласно теории более раннего ритуала, грех может быть смыт как физическая скверна, искупление принимает форму определенных очищений, а покаяние не считается необходимым моральным условием освобождения. И к той же средней стадии развития относится процесс, известный как перенос греха, посредством которого грех может быть извлечен, как если бы он был субстанцией, из личности грешника и перенесен в другого человека, животное или даже неодушевленный предмет. Подумайте о грехе как о внутреннем испарении, и идея квазимеханического переноса станет понятной.^{116.1} Это, без сомнения, относится к сравнительно раннему периоду развития религии дикарей. У атканцев, например, ^{117.1} мы слышим о таком освобождении, как это: грех, который в данном случае был грубым нарушением естественного закона полового инстинкта, был превращен в определенные сорняки, которые носили вокруг человека, а затем под ясным солнцем были аккуратно выброшены, и само солнце было призвано стать свидетелем акта переноса. В древней перуанской церкви избавление от зла было большим общественным праздником: отряды воинов маршировали вперед, выкрикивая: “Вперед, все зло!”, а затем совершали омовение в реке, в то время как люди вытряхивали свою одежду у дверей.^{117.2} Похожее свидетельство говорит об инке, молящемся богу реки, чтобы тот смыл его грехи, в которых он признался перед солнцем. И во время перуанского очищения преобладало правило,

аналогичное тому, которое было отмечено выше, а именно, что следует избегать любых оскорбительных выражений и ссор. Или, опять же, вера в то, что грех - это злой дух, которого можно заставить найти другое пристанище, предполагает козла отпущения, знакомую фигуру из Книги Левит и греческого ритуала, животное, которое уносит с собой в пустыню грехи людей или предается смерти с произнесенной молитвой о том, чтобы в него вошло все зло общества. Иудейские летописи сообщают нам, что Аарон “исповедался перед ним во всех беззакониях сынов Израилевых ... возложив их на голову козла”; после этого, поскольку животное было в высокой степени заражено грехом, и Аарон, и человек, который увел его в пустыню, должны были вымыться и сменить одежду.^{118.1} Египетский обряд, описанный Геродотом,^{118.2} демонстрирует нам ту же идею в ином исполнении: голова животного отсекается с проклятием, что оно может нести зло общества, а не быть уничтоженным. Затем их либо выбрасывают в реку, чтобы поток мог унести их прочь, либо продают эллинам везде, где есть эллинский рынок: Геродот не сообщает нам причину этого, которую, однако, легко разгадать: эллин - это чужак, который, как надеялись египтяне, может съесть зараженную плоть и таким образом впитать в свою чужую личность грехи людей; ибо поедание грехов других людей - признанный примитивный процесс переноса.^{119.1} Что является уникальным в египетском проведении церемонии? Это искусное сочетание религии и торговли.

Наконец, ритуал может потребовать человеческого козла отпущения, который будет выполнять точно ту же функцию, что и животное. Он может быть предан смерти или изгнан за границу, унося с собой национальные грехи: он может быть очень мерзким и, следовательно, подходящим вместилищем греха, подобно “κάθαρμα”, “очищающему человеку” на аттическом празднике Таргелии, которого водили по улицам, били розгами и однажды сожгли; или рабу в Марселе,^{119.2} которого кормили и с почтением обращались в течение года, а затем торжественной процессией провели по улицам и изгнали из города, молясь о том, чтобы на него пало все зло общества:^{120.1} или человек-козел отпущения может быть исключительно святым, будучи более способным, благодаря самой своей святости, безвредно поглощать и рассеивать зло других. Таким образом, даже несчастная жертва Таргелии была таинственным образом наделена определенным священным характером и, по-видимому, когда-то рассматривалась в определенной степени как двойник божества.^{120.2}

Большая часть этого ритуала переноса греха совершенно независима от высших богов; он осуществляется с помощью месмерической, миметической или механической магии. В более поздний период это согласуется с их служением и сопровождается молитвой; и на данном этапе мы отмечаем любопытный ритуальный феномен. Кровь, изначальный источник нечистоты, сама по себе становится очистителем, но не по закону *сходства*, а благодаря растущей силе концепции жертвоприношения. “Кровь быков и козлов может смыть грехи”, потому что животное, которое было освящено соприкосновением с алтарем, становится заряженным божественной силой, и его священная кровь, пролитая на нечистого человека, поглощает и рассеивает его нечистоту. Иллюстрации легко почерпнуть из эллинского ритуала,^{121.1} в котором часто использовалась кровь свиньи для очищающих целей. На ранней вазописи мы видим героя Тесея, сидящего на алтаре Бога Искупителя, по телу которого стекает свиная кровь, чтобы очистить его после бойни разбойников.^{121.2} По иудейским правилам кровь рыжей телки сначала окроплялась священником перед скинией собрания семь раз, но для особых целей очищения использовалась “вода разделения”, то есть вода, освященная путем смешивания с пеплом сожженной телки. У нас есть любопытная иллюстрация двойного характера этой воды разделения: будучи освященной и святой, она обладала способностью очищать от скверны и

греха; однако ее собственный нечистый состав не был полностью забыт, ибо тот, кто окроплял воду или прикасался к ней, был нечист до вечера.^{122.1}

Эти идеи принадлежат мысли очень старого света, но их отражение все еще остается с нами в сердце духовного вероучения; ибо их связь очевидна с христианской концепцией перенесения греха и божественной жертвы, которая берет на себя грехи людей.

Насколько мы уже рассмотрели, концепция “чистого сердца” не обязательно полностью этична; она часто сосуществует с идеями греха, которые четко не признают моральной ответственности или существенной разницы между преднамеренным неправильным поступком и ритуальным, случайным или произвольным грехом. На средней стадии этико-религиозного роста невинный Эдип все еще может рассматриваться как *παῖς ἁγνός*, нечистый телом и душой. Конечная точка достигается, когда осознается, что кровь быков и козлов не может смыть грех, что ничто внешнее не может осквернить сердце или душу, но только злые мысли и злая воля. Тогда эта очищенная и идеализированная концепция в прогрессивных религиях восстанет против своего собственного происхождения и вызовет вечный антагонизм пророка против ритуального священника, Христа против фарисея.

Было бы интересно проследить этапы этого длительного развития, которое здесь было наскоро обрисовано, среди высших рас старого света; но краткого и частичного указания на его историю у некоторых из них здесь должно быть достаточно. Мы все знакомы с окончательной эволюцией идеи чистоты в истории иудаизма, но явления ее зачаточных стадий, описанные в ритуальных книгах Ветхого Завета, могут быть не столь знакомы. Они представляют еврейское мышление в отношении этой особенности как находящееся на одном уровне с персидским заратустрийцем, индийским ведийцем и эллином седьмого века. Чистота - это строжайший закон Яхве, чистого бога, который намекает, что накажет Аарона смертью, если тот по неосторожности войдет в святое место без очищения.^{124.1} Но процессы, с помощью которых это обеспечивается, являются механическими, квазимагическими, а сама концепция кажется скорее материалистической, чем духовной, ритуалистической, а не этичной в нашем понимании: процессы очищения такие, как использование благовоний, очищения кровью, водой и даже огнем, катарсические методы, которые почти универсальны: мы ничего не слышим о молитве или покаянии. Кровь - это главная нечистота, независимо от того, пролита ли она намеренно, случайно или праведно. Воины после битвы должны быть очищены, прежде чем они войдут в лагерь.^{125.1} Убийство действительно стало племенным преступлением, и это знаменует большой прогресс в социальном развитии человеческого общества: за убийство не допускалось такого удовлетворения, как позолота; но это рассматривается скорее как грех, чем как преступление, и его греховность заключается в нечистоте земли, на которой пролита кровь. “Кровь оскверняет землю” и “Я, Господь, обитаю среди сынов Израилевых”.^{125.2} Даже случайный убийца должен бежать в город-убежище не только для того, чтобы спастись от мстителя за кровь, который олицетворяет старое семейное право кровной мести, но и для того, чтобы избавить землю от скверны его присутствия. И он не должен возвращаться до смерти первосвященника.^{125.3} Это последнее ограничение, насколько мне известно, еще не объяснено. Я рискну объяснить, что верховный жрец рассматривается здесь как временный представитель Яхве и как зараженный нечистотой, которая присуща разгневанному богу; но когда он умирает, пятно, наложенное на бога, исчезает, и его гнев прекращается. Наконец, мы можем отметить правило, согласно которому, когда убийцу обнаружить не удастся, ближайший город должен принести очистительные жертвы, “и тогда твой грех”, то есть ритуальный грех наличия

нечистого участка земли на своей территории, “будет прощен тебе”.^{126.1} Фактически иудейский закон о человекоубийстве, приведенный в этих книгах, хотя и вышел далеко за рамки дикости и даже достиг современного представления о том, что человекоубийство касается всего сообщества, все же в целом является варварским. Концепция чистоты помогала развитию до определенного момента, а затем, вероятно, затормозила его. С другой стороны, в сфере сексуальной морали его действие было наиболее действенным во благо; оно освящало и защищало фундаментальные законы, хотя на самом деле и не создавало их; но, как и следовало ожидать, сексуальная чистота еврейского кодекса остается религиозным законом и не переходит в сферу светской этики.

Другая религия, не менее ценная для наших нынешних целей, - это заратустрианство. Доверяя, насколько мы можем, переводу и интерпретации его священных книг, мы можем составить впечатление от их изучения, что ни одна религия на земле никогда не была так привязана к катарсическому идеалу, как эта; и на первый взгляд не кажется очень выгодным ставить здесь вопрос о влиянии идеи чистоты на религию, закон и мораль, поскольку идея кажется всепоглощающей, и эти три религии не имеют независимого существования отдельно от нее. Это создает для верующего маздея собственную мораль, с которой светские системы имеют мало общего или вообще ничего не имеют. “О, творец мира, ” спрашивает Заратустра Ахура Мазду, “ может ли снова очиститься тот, кто поел собачьей туши или человеческого трупа?” Божество отвечает: “Он не может, о святой Заратустра”.^{127.1} Также невозможно никакое очищение за непростительный грех хождения после достижения пятнадцатилетнего возраста без пояса или подходящей рубашки: “такой человек отныне идет с властью разрушать мир праведности”.^{128.1} С другой стороны, наивысший акт праведности, который приносит прощение всех грехов тому, кто его совершает, — это снос дахмы, эшафота, на который вешали трупы в соответствии с законом. Персидская система погребения после того, как она выполнила свое назначение; ибо, естественно, это было средоточие нечистоты, и демоны собирались там стаями.^{128.2} И персидская концепция чистоты устанавливает свой собственный закон. Как ритуал очищения является главной статьей кодекса Заратустры, так и святотатственный очиститель, то есть дилетант, пытавшийся очистить другого, не зная маздейских церемоний, навлекал бесплодие на землю и наказывался смертью.^{128.3} И смерть была наказанием для того, кто осмеливался нести труп в одиночку, ибо мертвое тело распространяло повсюду заразу мириадов “наркотиков” или демонов, и по крайней мере двое мужчин должны были приложить к этому руку, чтобы предотвратить невыносимую эпидемию нечистоты.^{129.1} Законодательство Зенд-Авесты безжалостнее любого зарегистрированного кодекса; мы должны предположить, что это был в основном пустой гром, иначе Персия обезлюдела бы. Вся вселенная маздеизма пронизана этими катарсическими идеями, и светский или физический взгляд на вещи едва проглядывает сквозь него: ритуальный порядок доминировал над тем, что мы называем материальным, а также духовным миром; солнце, луна и звезды очищаются Словом. На этой основе возникла религия великой экзальтации и религиозного рвения редкой интенсивности: и священные книги Персии представляют большую ценность для настоящего исследования, поскольку они яснее, чем какие-либо другие записи, показывают нам духовную концепцию чистого сердца, вытекающую из ритуалистической идеи; в то время как в каком-либо конкретном тексте часто трудно провести различие между низшим и высшим значением. Когда Бог говорит пророку так: “Чистота для человека, после жизни, является высшим благом: та чистота, о Заратустра, которая в религии Мазды для того, кто очищает себя добрыми мыслями,

словами и поступками”,^{130.1} мы считаем, что достигли высокой этической концепции; но Дарместетер предполагает, что эта фраза относится к тому, кто очищает себя в соответствии с предписаниями закона. И все же в их кодексе очищения были зародыши развитой морали, и это поощряло правдивость и целомудрие.^{130.2} Очищения были частично примитивного типа, заимствованные, как обычно, из низшего слоя религии; их наиболее интересными особенностями являются сопровождавшие их очищающие слова, которые обычно были не молитвами, а заклинаниями, формулами магической силы, но взятыми из высокой религии, например, такие: “Воля Господа — Закон праведности”; “Святость - лучшее из всего”. Добро: это тоже счастье”.^{131.1} Даже добродетели филантропии придается очищающее значение в формуле заклинания “тот, кто помогает бедным, делает Ахуру царем”, произносимой перед омовением человека святой водой Мазды и “гомезом” быка.^{131.2}

В определенном смысле религия маздеев была самой “чистой” из всех известных миру; но высокая духовная концепция чистоты, которую она развила, никогда не ускользала и не пыталась вырваться, как это сделали иудеи и эллины, из рабства ритуалу. Следовательно, религия была обречена на церемониальность и жречество; и современный исследователь, очарованный ее частыми вспышками гениальности и ее глубокой, искренней убежденностью, должен быть готов к неизбежному пафосу, который его ожидает. Его удаленность от современного и цивилизованного взгляда на вещи можно оценить по заратустрианскому тексту, в котором пророк превозносит священника-знахаря, который исцеляет больную конечность очищающим заклинанием и изгнанием демона, над хирургом, который лечит ее ножом.^{132.1}

С чувством облегчения мы теперь переходим к обзору эллинских феноменов, минуя, как и положено, веды и ислам, которые кажутся менее важными, насколько я смог их изучить. Эллинская религия в большей степени, чем все другие религии древнего мира, является зеркалом многообразной цивилизации народа; ибо ее меньшая интенсивность позволяла применять ее более разнообразно, и она была вынуждена быстро примириться с утилитарными и светскими силами рационального прогресса, которым не было жреческой касты, достаточно сильной, чтобы противостоять. Следовательно, именно в свете этой религии концепцию чистоты лучше всего изучать в ее связи с законом и моралью. История очистительного ритуала в Греции начинается не ранее VIII века; ибо гомеровская эпоха была поразительно здравомыслящей, жизнерадостной и светской в своих взглядах на подобные вещи. Хотя Гектор чувствует, как чувствовал бы любой современный джентльмен, что было неправильно идти на религиозную службу, “забрызганную кровью и нечистотами”, хотя Одиссей очищает свой дом окуливанием серой после кровавой бойни, мир, о котором пел Гомер, похоже, не был обременен церемониальностью очищения, или страхом перед нечистотой крови и смерти, или какой-либо заботой о мести или миазмах призрака. Эпоха, которая могла подняться до высоты такого чувства, как “лучшее предзнаменование - сражаться за свою страну”, вероятно, была здравомыслящей во всех подобных вопросах. Первое упоминание об очищении от кровопролития содержится в поэме Арктиноса восьмого века; а у Гесиода начинается зарождаться определенный ритуал-кодекс чистоты. С этого момента законодательство о катарсисе становится очень распространенным в Греции, исходящим, как кажется, главным образом из двух центров - Дельф и Крита. Боги, которым особенно принадлежит сфера ритуальной чистоты, - это Аполлон, Зевс и Дионис; в то же время призрачные ужасы подземного мира, по-видимому, все больше овладевают воображением эллинов, и для борьбы с ними особенно необходим “катарсис”. Вероятно, все это - всего лишь возрождение обычаев и суеверий аборигенов, укоренившихся на эллинской почве, религии, которую интеллектуализм

гомеровской цивилизации, к счастью, подавил на некоторое время, но которая заявила о себе с новой силой, когда эта цивилизация была свергнута. И все же возрождение, хотя и казалось бы “отступлением назад”, принесло хорошие плоды для морали, права и даже религии. История греческой этики должна считаться, поскольку она еще не покончила с ритуалом чистоты, а история греческого права - со страхом перед призраками и миазмами кровопролития.

Поначалу идея, как обычно, ритуалистична и неморальна: и многое из того, что мы находим в сообществах дикарей, а также в Иудее, Персии и Индии, мы снова находим в Греции. Как древнееврейские воины очищались перед возвращением в лагерь, так и македонская армия очищалась весной перед кампанией,^{135.1} и неправильно понятая история о фокийцах, обмазывающих себя гипсом перед битвой, указывает на очистительный ритуал.^{135.2} И эллинские церемонии совпадали с церемониями большинства других народов в отношении причин нечистоты и методов избавления: огонь, вода, кровь, лук, шкуры приносимых в жертву животных, даже глина и отруби, являются обычными очищающими средствами. Насколько я знаю, только в одном методе καθαρσις уникален эллинский ритуал: жертвенное общение с Богом иногда считалось эффективным средством удаления нечистоты, которой заражались родственники в результате смерти в семье: в Аргосе скорбящие откладывали “тапу”, вкушая жертву Аполлону, веря, что дух чистого бога в священной пище может уничтожить миазмы внутри и вокруг них.^{136.1} Оплотами фарисейского очищения были религиозные братства Аполлона. Орфизм и более ранний пифагореизм, религиозно-философская школа, тесно связанная с первым; в них закон “чистой жизни” является церемониальным законом, особенно касающимся воздержания от определенной пищи. Но греческая мысль недолго оставалась на этом уровне: Харондасу из Катаны приписывается высказывание, но, возможно, более позднего происхождения, в котором утверждается, что “сквернословие - это осквернение души”;^{136.2} и во фрагменте Эпихарма пятого века мы имеем высказывание высшего Евангелия: “Если ты чист душой, ты чист всем своим телом”; а более поздняя пифагорейская литература, такая как “Золотая песнь” Иерокла, содержит доктрину о том, что “чистота души - это осквернение души”. только богослужение”; “У Бога нет более привычного жилища на земле, чем чистая душа”. И неизвестному автору, вероятно, из той же школы,^{137.1} мы обязаны догмой: “Мы поклоняемся Богу наиболее смиренно, если очищаем нашу собственную душу от всякого пятна зла”. В Антологии есть две эпиграммы, включенные в причудливое собрание пифийских оракулов, выражающие ту же идею о том, что святость - это духовный факт, независимый от церемоний или очищений: “О странник, если ты свят душой, войди в святилище святого Бога, лишь прикоснувшись к очищающей воде: очищение - легкое дело для добрых, но весь океан с его потоками не может очистить злого человека”.^{137.2} Другой так же ясно, как Исая или Новый Завет, утверждает бесполезность простого омовения рук: “Храмы святого Бога - это святое место”. боги открыты для всех хороших людей, и нет никакой необходимости в очищении: ни одно пятно никогда не может прилипнуть к добродетели. Но уходи, всякий, у кого скверное сердце, ибо душа твоя никогда не будет омыта очищением тела”.^{137.3} Чем лучше греческий ум достигал этой свободы, тем легче ему было, поскольку он не был сильно или вообще одержим верой в изначальную нечистоту или греховность плоти и земной жизни. И сам греческий ритуал, каким бы консервативным он ни был и никогда не отказывающийся от своего кодекса очищения, в конце концов попадает под влияние этой более свободной атмосферы и примиряет церемониальную чистоту с более высоким моральным законом. Перед храмом Асклепия в Эпидавре стоял текст: “В наполненном благовониями святилище человек должен быть чист; а чистота заключается в том, чтобы иметь праведные мысли”.^{138.1} Надпись на храме на Родосе

времен Адриана^{138.2} демонстрирует странную смесь примитивного и продвинутого мышления. В его преамбуле упоминаются “правила, касающиеся праведного входа в святилище”. “Первое и величайшее правило - быть чистым и незапятнанным руками и сердцем и быть свободным от нечистой совести”. Затем следует обычный церемониальный кодекс правил, касающихся нечистот в пище, похорон и естественных поражений тела: и последний пункт показывает, что этическая идея проникает даже в них, поскольку кодекс предписывает, что человек может войти в святилище “в тот же день после законного супружеского акта”. Это означает, что прелюбодейка была исключена, как это было в Афинах в соответствии с законом, процитированным Демосфеном.^{139.1} Таким образом, представляется, что либеральное этическое суждение, приписываемое Теано, учительнице пифагорейского учения, о том, что, хотя законный половой акт не является препятствием для участия в религиозной службе в тот же день, прелюбодейка должна быть исключена навсегда,^{139.2} не полностью противоречило продвинутому ритуальному кодексу Греции.

Вышесказанное является небольшой иллюстрацией развития греческой концепции чистоты и ее этического влияния. Остается проследить его действие в очень важном отделе права — отделе по расследованию убийств. Возможно, наиболее существенное различие между кодексом цивилизованного и кодекса дикого или варварского сообщества заключается в их соответствующем отношении к непредумышленному убийству: во втором обществе это в основном дело между заинтересованными семьями, которое должно быть урегулировано путем позолоты или кровной мести; в первом все сообщество чувствует себя глубоко заинтересованным. Наши тевтонские предки во времена Тацита и на протяжении веков после него оставались на низшей ступени, хотя мы видим, что юридический гений исландцев подталкивал их к высшему еще до того, как христианство достигло их. Что странно, так это то, что некоторые общества, по—видимому, достигли высокого общего уровня цивилизации, не совершив этого важного прогресса: гомеровский мир, например, едва ли сравнялся в этом отношении с ранним исландским, хотя мы можем видеть признаки того, что более высокая идея была готова проявиться в более поздний гомеровский период.^{140.1} Затем следует пробел в наших записях, который может быть предварительно заполнен интерпретацией мифологии, пока в развитом аттическом праве, которое мы знаем лучше, чем право любого другого греческого государства, мы не обнаружим, что современная идея полностью признана и применена к преступнику. кодекс, вероятно, датируемый шестым веком и далее, хотя следы юридического варварства все еще сохранились. Мы были бы рады узнать о конструктивных силах, духовных или политических, которые привели к осуществлению этой великой реформы. Антропология наших современных диких обществ еще не снабдила нас аналогиями, которые мы могли бы применить к истории Греции: несколько диких государств действительно спонтанно достигли значительного прогресса от кровной мести к публичному закону об убийстве, но нет никаких записей, показывающих, как они этого достигли. Некоторые авторы предполагали, что появление уголовного права в целом всегда связано с некоторым значительным усилением власти центрального правительства, вероятно, с развитием монархии. Но в качестве универсальной аксиомы это не может быть принято; ибо, как показал Штайнмец в своем трактате “Развитие наказания”^{142.1}, такая предполагаемая причина не действует в отсталых сообществах современности, которые разработали публичное уголовное право. Также было бы разумно настаивать на том, что центральная власть в Греции VII века была сильнее, чем в более ранний монархический период. Вероятно, Штайнмец прав в своем

убеждении, что в диких обществах самое раннее уголовное право возникло из какого-то сильного чувства ненависти или страха, вызванного действиями, которые нарушают религиозные чувства или светские интересы. Одним из самых ранних преступлений, караемых смертью от рук общества, является кровосмешение: ужас, который оно вызывает у дикарей, - это чувство, которое мы могли бы назвать религиозным. Возможно, мы действительно не в состоянии показать, что примитивные представления о чистоте объясняли бы самые ранние сложные кодексы человеческого брака: но круги родства, которые устанавливаются таким образом, по-видимому, были освящены в очень ранние времена концепцией чистоты, которая стала к ним привязываться.^{143.1} Теперь вполне вероятно, что аналогичное религиозное чувство действовало и в случае убийства.

Если бы в каком-либо данном обществе примитивная вера в нечистоту кровопролития усилилась сверх определенного предела, убийство могло бы легко стать предметом рассмотрения уже не как вопрос, подлежащий урегулированию семьями убийцы и убитых, а как глубокая забота народа страны. Мы видели, что именно эта религиозная концепция нечистоты поставила этот акт под контроль национального религиозного закона Израиля: люди в ужасе, потому что почва стала нечистой, а их бог запятнан. В "Зенд-Авесте" мы находим, что убийство водяной собаки было нечистым актом против Бога и было отомщено всей общиной; и жертва была принесена, чтобы умиловить святую душу собаки.^{144.1} Эти факты предлагают некоторую аналогию теории, которую я бы предложил, а именно, что цивилизованный закон Греции о человекоубийстве возник в постгомеровский период из-за усиления чувства нечистоты кровопролития и из-за того, что ужасы призрачного мира стали преобладать над другими. более позднее эллинское воображение; ибо призрак или Эринии мертвых - это воплощение миазмов, возникающих в результате убийства; и призрак знает, как прогнать их домой, и не уважает людей, но может сделать целую местность непригодной для жизни. Религиозный феномен и юридический факт, которые я бы связал как причину и следствие, встречаются не в гомеровский период: и то, и другое сосуществует в более поздний. И многие легендарные свидетельства согласуются с этой гипотезой. Возможно, самое раннее указание на возникновение в греческом обществе идеи о том, что определенные виды убийств касаются государства, содержится в легендах об изгнании и отлучении от церкви за пролитие родственной крови, об изгнании, например, Беллерофонта и Иксиона. Такое изгнание не является обычным бегством убийцы, чтобы избежать мстителя за кровь; ибо в случаях, когда человек принадлежит к тому же роду, что и убитый, семейного мстителя нет, но вся община в ужасе изгоняет его, чтобы проклятие не заразило их самих. Кровь родственников была более священной, чем у других, поэтому ее пролитие распространяло еще большую нечистоту по земле. И греческие легенды предполагают, что это преступление было одним из самых ранних в правовой истории расы, которое пробудило религиозное сознание государства.^{145.1} Теперь, если мы предположим, что старые идеи, связанные с родством, распространились на все сообщество полиса — что легко могло произойти из-за смешанных браков *γυνή* - тогда убийство гражданина вызвало бы такие же миазмы, как и убийство родственника: государство почувствовало бы сверхъестественную опасность этого деяния и приняло бы это во внимание.

Причины полагать, что таков был действительный порядок в эллинской эволюции закона об убийствах, могут показаться основанными на простых легендах, но легенды часто являются прямым свидетельством ранних мыслей из первых рук, а истории об убийцах сородичей, которые были изгнаны из общин и которые были первыми претендентами на ритуал очищения, такими как Иксион, Орест, Тесей, хорошо согласуются с ранней верой в то, что Эринии были

призрачными мстителями за убийство сородичей. Затем мы находим, что в "Айтиопиде", поэме Арктиноса Милетского, Ахиллу приходится оставить армию и удалиться на Лесбос для очищения, хотя Терсит, которого он убил, не является его настоящим родственником: отсюда мы можем сделать вывод, что государство Милет в восьмом веке стало признавать убийство любого гражданина. А аргивяне в пятом или четвертом веке приносят искупление Зевсу Мейлихию за массовые убийства среди гражданского населения, богу, который легендарно ассоциируется с очищением за пролитие родственной крови. К пятому веку в Афинах религиозное чувство святости всей жизни в пределах города настолько углубилось, что даже убийство раба вызывало миазмы и считалось государственным преступлением.^{147.1}

Теперь, когда мы исследуем некоторые детали аттического права вместе с определенными выражениями чувств по поводу убийства у классических авторов Аттики, мы видим четкий отпечаток его происхождения. Случайное убийство рассматривалось Афинами четвертого века так же серьезно, как и древнееврейским кодексом: такие убийцы должны были перелететь границу, но если они шли по определенной дороге, государство отказывалось позволить мстителю за кровь следовать за ними: они должны были оставаться в изгнании до тех пор, пока не получат прощения у одного из родственников умершего.^{148.1} Мы можем предположить, что родственники рассматриваются как продолжающие вражду с призраком, который, вероятно, будет мстительным, даже если убийство было случайным. Наконец, когда прощенный убийца возвращается, он должен пройти через сложные очищения. Эти последние должны были стереть миазмы, а не облегчить то, что мы могли бы назвать бременем совести. И община была вынуждена временно изгнать даже совершенно невиновного человека из-за страха перед гневом мертвых. К этому страху перед призраком апеллирует аттический оратор как к мотиву, который должен побудить судей осудить заключенного.^{148.2} Первым судебным разбирательством по делу об убийстве, которое ясно показывает религиозное происхождение закона штата, было торжественное заявление, сделанное одним из родственников, державших копье на похоронах, о том, что убийца должен держаться подальше от всех святых и общественных мест общины.^{149.1} И Антифон решительно выражают общественное мнение о том, что безнаказанный убийца оскверняет общественные алтари и уничтожает людей. портит атмосферу города:^{149.2} и все законодательство Платона^{149.3}, касающееся убийств, основано на идее о миазмах, возникающих в результате кровопролития, и вполне согласуется с аттическим законом. Изгнание убийцы очищает город так же, как и его казнь; поэтому обвиняемому было разрешено выехать из страны до вынесения приговора.^{149.4} Под крышей заражение было сильнее, чем на открытом воздухе; поэтому афинские судьи настаивали на рассмотрении дела об убийстве в суде без крыши, "чтобы они не оказались под одной крышей с убийцей".^{149.5} Также частью примитивной анимистической веры является то, что такие миазмы могли проникать в предметы, ставшие причиной смерти человека: отсюда и неодушевленный предмет, такой как подобно тому, как топор или железный прут могли подвергнуться серьезному испытанию и, если бы его признали виновным, бросили бы в море, чтобы избавить государство от заразы:^{150.1} то же суеверие объясняет старый английский закон о том, что повозка, переехавшая человека и ставшая причиной его смерти, должна быть передана Богу — "деоданду", то есть она должна была стать привилегией короля, который представлял Бога.

Пока мы, кажется, ясно различаем концепцию чистоты, развивающую государственный закон в очень важном вопросе. И это большое достижение. Но это легко могло бы привести к появлению закона, который, с нашей точки зрения, был бы несправедливым и суеверным. Ужасы призрака, несправедливый гнев чистого бога, упорство в ритуалистическом

представлении о нечистоте могут затормозить прогресс и помешать эволюции высшего закона, который учитывает смягчающие обстоятельства и допускает оправданное убийство. Такой закон не упоминается в книгах Моисея, но он существовал в аттическом кодексе,^{151.1} который именно по этой причине можно назвать цивилизованным. Судом, который рассматривал дела об убийстве, в которых выдвигалась ссылка на оправдание, был Дельфинион, и легенда о его основании утверждала, что он был учрежден для суда над Тесеем за убийство напавших на него паллантидов, и что ссылка на оправданное убийство была разрешена.^{151.2} Название суда показывает, что его покровителем является чистый бог, и указывает на Крит и Дельфы, главные центры ритуала очищения. Теперь вполне возможно, что этот важный прогресс в юриспруденции был вызван здоровым рационализмом раннего греческого разума, в некоторой степени светской утилитарной мыслью, которая отреагировала на религиозный взгляд на чистоту. Затем мы скажем, что религия ловко приспособилась к светскому движению, как это обычно делалось в Греции. Или, может быть правдой, что прогресс был обусловлен спонтанным движением внутри самой религии, начавшимся, возможно, в седьмом веке, и растущим сознанием того, что чистота или нечистота поступка зависела от мотива и воли. Если бы эта идея рано проникла в жреческий круг, что, несомненно, произошло позже, тогда жрец Аполлона мог бы даровать очищение или отказать в нем в зависимости от степени оправданности, которую могло доказать убийство:^{152.1} в этом случае по инициативе бога-очистителя был бы учрежден суд для рассмотрения обстоятельств. Это объяснение должно оставаться гипотезой, но оно предполагает действие реальных сил.

Было сказано достаточно, чтобы проиллюстрировать тесную связь идеи чистоты с правовым прогрессом,^{152.2} и остается только очень кратко указать на ее влияние на религиозные институты. Одним из методов, наиболее часто используемых для достижения чистоты ума или свободы от злого духа, является голодание; во всех человеческих обществах, примитивных и развитых, мы могли бы почерпнуть обильный запас примеров. И человечество в целом согласилось относительно случаев, когда ритуал желателен; весной, перед сбором урожая и появлением первых плодов, перед тем, как воины отправляются в битву, перед любым видом интимного общения с Богом, когда семья в трауре по родственнику и злые влияния распространились повсюду, пост практиковался как способ очищения тела и защиты его от духовного вреда или подготовки к привилегии божественного общения. Это считалось необходимым перед любым мистическим посвящением,^{154.1} раннехристианская церковь предписывала это в дни, предшествующие пасхальному причастию; также перед тем, как человек сможет достичь божественного откровения пророчества или сверхъестественной способности изгонять злых духов или творить чудодейственные исцеления. “Такой человек продвигается вперед только молитвой и постом”. Психологической основой ритуала является вера в то, что определенные продукты питания, и, в конечном счете, вся пища, способны оказывать дурное влияние на организм; и, более того, опыт того, что воздержание порождает особое психическое состояние экзальтации, экстаза и сверхнормальной уверенности в себе: другие идеи, такие как дисциплина самоотречения, которые появляются вокруг практики позже.

Из того же примитивного взгляда на отношения между нашим телом и духовным миром возникло навязывание безбрачия священнослужителям. Чтобы проследить явление, которое обычно или в исключительных случаях встречается во всех человеческих обществах, на протяжении всей истории церквей, потребовалась бы отдельная глава. Это не поздний рост религии и не обязательно признак высокого развития. И здесь опять первоначальным психологическим мотивом является не дух умерщвления плоти, а вера в то, что целомудренное

тело является более чистой обителью Божественного Духа, и ментальный опыт того, что такое самоотречение обычно порождает более сильное сознание религиозной силы. Есть признаки того, что эта идея теряет свою власть над современным сознанием, но мы видим, какое глубокое впечатление она произвела на некоторые идеи и догмы нашей религии. Установление жреческого правила безбрачия соответствует распространенному в любом данном обществе представлению о священнической функции; вероятно, оно будет применяться, когда священник наделен особым пророческим и мистическим характером и должен быть посредником между обществом и Богом посредством частого общения с божеством: редко, когда преобладает гражданский и полусветский взгляд на жреческую должность, поэтому редко среди северных арийцев и в дохристианских греческих и римских государствах, хотя эллинский ритуал обычно требовал девственности или, по крайней мере, длительного пребывания в браке. целомудрие - у пророчицы, а иногда и у обычного священника. Это было обычным явлением в экстатических религиях Анатолии, а в поклонении Кибеле было доведено до неестественной крайности. Интересно снова проследить связь между фригийско-христианской ересью монтанизма и более древним фригийским язычеством; и мы отметили, что Монтан, ее основатель, поборник безбрачия, как сообщается, в свои необращенные дни был жрецом Кибелы.

Опять же, обряд крещения - это форма очищения, широко распространенная во всем мире, как уже упоминалось. Омовение новорожденного обычно интерпретировалось как очищение от опасного и злого влияния как среди низших, так и среди высших рас. Интересная форма такая люстрация зафиксировано старого ацтеков семейной жизни: акушерка моют ребенка с молитвой: "Пусть эта вода очищает и отбеливает твое сердце: пусть он смоем все, что есть зло."^{157.1} взрослого, до посвящения в любое мистическое общество, как правило, необходимо разработать очищения; и это часто принимали форму крещения водой и иногда с кровью, а в некоторых средиземноморских религиях люстрации был не просто рассматривается как очищение от старого греха, но как духовное возрождение.^{157.2} в ИГИЛ обряды крещения вода должна была поднять смертного к божеству: в описании крещения очищение Сэтис И. происходят слова: "я очистил тебя с жизни и силы, чтобы сделать тебя молодым, как твой отец Ра". И сами боги, как считалось, чтобы возродиться через окропление lustral воды над их изображениями.^{157.3} мы обнаруживаем ту же теорию, проводимых ранней Церкви в отношении христианского обряда: шрифт смывает пятна плоти, и в то же время божественная энергия воды revivifies и воссоздает оглашенный, кто умирает для прежней жизни и снова рождается; так что шрифт, который сам был изгнан и очищенной в ранний период, была в каком-то смысле лоно духовной жизни, и этот обряд как обряд экзорцизма и причастие. Очень скоро в истории Церкви это стало рассматриваться как имеющее такое серьезное и критическое значение, что оглашенный должен подготовить себя к нему с помощью предварительных очищений и экзорцизмов: такие церемонии, как дыхание священника на лоб, таинственное вкушение соли, помазание елеем вместе с произнесением молитвы о том, чтобы "враг был обращен в бегство", имеют очевидное катарсическое значение.^{158.1}

Мы также должны рассматривать исповедь как своего рода очищение; ибо "высказывание" о грехе рассматривалось бы как настоящее очищение и освобождение в тот период мышления, когда слова можно было рассматривать как вещи или, по крайней мере, как контролирующие вещи. Таково было его значение в предварительном ритуале самофракийских мистерий, в мексиканской религии^{159.1}, где оно ассоциировалось с очищением и концепцией возрождения, и, наконец, в раннехристианской церкви, где оно было специально возложено на священника

перед пасхальным причастием как часть очистительной подготовки.^{159.2} Интересная формула исповеди встречается среди вавилонских литургических табличек: кающийся молится богу и богине: “Пусть семь ветров унесут мои вздохи”.... пусть птица унесет мое зло к небесам; пусть рыба унесет мое несчастье, пусть река унесет его прочь. Пусть полевой зверь заберет его у меня. Пусть воды реки омоют меня дочиста”. Здесь очистительная исповедь действует отчасти молитвой к высшему богу, отчасти старой идеей волшебного переноса греха в чуждую субстанцию.^{160.1}

Это примеры практик в передовых религиях, направленных на очищение от внутреннего и духовного греха. Но более древний и материалистический взгляд на нечистоту как на физическую порчу или как на миазмы злого духа не исчез полностью даже из исторического христианства: церемония посвящения женщин в церковь, хотя и преобразованная в благодарственную службу, произошла от старого очистительного ритуала, который очищал от опасной скверны деторождения; а освящение церквей изначально было просто особым применением древнесветской практики очищения дома от демонов, как мы можем видеть из легендарного примера, приведенного в апокрифических “Деяниях святого Фомы”.^{160.2}

Факты, которые я собрал и раскрыл, какими бы неполными ни были эти утверждения, могут оправдать то, что было сказано в начале исследования, а именно, что исконная идея чистоты пустила глубокие корни в почве, на которой выросла и развилась большая часть наших этических мыслей и чувств, многие из наших правовых и религиозных институтов. Эта концепция, возможно, из-за ее незапамятной непрерывности жизни и глубокого первобытного инстинкта, если это слово здесь уместно, подвержена фантастическим преувеличениям. Иногда оно оказывалось непреодолимым препятствием на пути морального и правового прогресса. Когда оно кристаллизовалось в жесткой “фарисейской” форме, оно арестовало и заключило в тюрьму жизнь доселе прогрессивных людей. С другой стороны, хотя его врожденное качество, так сказать, никогда не было светско-утилитарным, его вклад в нашу цивилизацию был, как мы видели, неоценим. Она породила современный ужас перед убийствами и кровопролитием, а также идеал целомудренной жизни: ей мы в значительной степени обязаны тонкой восприимчивостью духовно одаренных персонажей. Как для добра, так и для зла, это была инстинктивная религиозная сила, более могущественная, чем любая другая в ментальной эволюции человека.

ЛЕКЦИЯ IV.

ЭВОЛЮЦИЯ МОЛИТВЫ ОТ НИЗШИХ ФОРМ К ВЫСШИМ

Нет такой части религиозного служения человечества, которая так ясно раскрывала бы различные взгляды на божественную природу, которых придерживались разные расы на разных этапах своего развития, как молитвенные формулы, или так ярко отражала материальную и психологическую историю человека. Исторический материал, находящийся в нашем распоряжении, к сожалению, современный, не относящийся к периоду, предшествующему примерно четырем тысячам лет до Рождества Христова; но он может быть дополнен, как это обычно бывает, свидетельствами, собранными в низших обществах, а также наблюдениями за практиками, которые часто сопровождают молитву и очень тесно сочетаются

с ней даже в высших религиях, и которые, как мы можем с уверенностью полагать, восходят к незапамятной древности. Вопрос о происхождении молитвы представляет большую трудность и имеет глубочайшее значение для истории и философии религии; ибо он неизбежно включает вопросы, касающиеся происхождения веры в личное божество, отношения магии к религии, ритуала заклинания, который предписывает или принуждает к молитвенному ритуалу унижения и мольбы. Даже если бы у меня было оригинальное и зрелое суждение, которое я мог бы изложить вам по вопросам такой важности, одной лекции было бы недостаточно для его изложения.^{164.1} Поэтому, хотя я и могу указать, я не буду пытаться в этой лекции решать вопрос о происхождении. Я удовлетворюсь упорядочиванием явлений в соответствии с тем, как они, с нашей точки зрения, относятся к низшему или высшему слою религии; такое расположение не вызывает сомнений и согласуется с нашим опытом, что во всех религиях, будь то диких или цивилизованных, низшие и высшие элементы способны сосуществовать. Сначала я дам общий обзор фактов с некоторой их интерпретацией, а затем приведу иллюстративную подборку молитв примитивных и развитых сообществ.

Согласно современному определению молитвы, человек обращается произносимой или неслышимой речью к божественной силе, воспринимаемой как Дух или Бог, но всегда как личная, с целью получения материальных, моральных или духовных благословений: та часть обращения, которая содержит саму молитву, часто сопровождается словами почтения, обожания, исповедания грехов, выражениями доктринальной веры, заявлениями о благотворных действиях божества в прошлом, самоутверждающими высказываниями уверенности в божественной защите или божественном обещании. Хотя формулы содержат много позитивных утверждений и ни в коем случае не ограничиваются желательным наклоном, позиция просителя всегда почтительна и самоуничижительна; современная религия отвергает любую идею обращения к божеству; только обычно она скрепляет свои прошения мистической подписью могущественного имени. Если это может сойти за довольно всеобъемлющий и адекватный отчет о современной или продвинутой молитве, все равно будет обнаружено, что он содержит элементы, которые могут происходить из очень древних форм религиозной мысли, которые нелегко согласовать с нашим высшим религиозным сознанием; и это неадекватный отчет о различных способах, которые менее развитые общества использовали и все еще используют для выражения своих желаний сверхъестественным силам. Действительно, недавно было с некоторой долей правдоподобия заявлено,^{166.1} что ни одно из исследованных до сих пор сообществ дикарей не лишено концепции высшего бога, творящего праведность; и, конечно, многие из низших рас спонтанно развили подлинную молитву в современном смысле этого слова. Тем не менее научные наблюдатели иногда сообщают, что некоторые отсталые народы вообще не молятся;^{167.1} и, по-видимому, нет ничего необычного в том, что дикарь считает своего верховного бога слишком далеким, чтобы обращаться к нему с какой-либо практической целью.

Но дикарь, хотя он и может молиться так же, как мы, имеет другие способы обращения к невидимым личным силам, которые, как он верит, окружают его; и это способы магии и заклинаний. Узнав из человеческого опыта, что он может проецировать свою силу воли с помощью оккультного процесса, чтобы подчинить разум своего ближнего, он экспериментирует с этим методом в мире природы и духов: таким образом он имеет дело главным образом с призраками, хотя может также молиться им; и он без колебаний применяет свою магию даже к высшим божествам. Как магический работник он стоит совершенно иначе, чем проситель: его отношение к сверхъестественной силе самоуверенное и властное, его речь - не молитва, а

приказ. Он может проявлять свою волю немим шоу, действием, наводящим на мысль о его желании: но в большинстве случаев он, вероятно, предпочтет сопровождать это убедительной речью, чтобы, так сказать, довести свою волю до цели: психология таких магических практик была умело исследована недавними авторами. Техническое название такого воздействия воли на другого человека - внушение; современное его применение иногда проявляется в крайней форме, которую мы называем месмеризмом или гипнозом. Для успешного применения чар часто необходимым условием является то, чтобы человек знал имя человека, против которого они направлены, а иногда и его фотографию, поскольку и имя, и фотография считаются жизненно важными частями всей индивидуальности, которую человек стремится контролировать. Те же идеи, перенесенные в мир сверхъестественных личностей, объясняют силу и глубокое значение, которые придаются божественному имени, а также выдающуюся роль изображения и статуи в религиозной магии. Но дикарь также узнал из опыта, что он может воздействовать на своих собратьев мольбами, лестью, успокаивающим и располагающим обращением: и для него было очевидно естественным обращаться к божественным силам таким же образом и использовать смиренные и молитвенные прошения. Также не представляется никакой причины, по которой он не должен использовать методы магии и молитвы одновременно или в тесной связи в одном и том же случае. На самом деле мы часто можем сомневаться, следует ли интерпретировать определенный примитивный религиозный акт с той или иной точки зрения. Так, нам говорят, что когда кхонды Ориссы собираются выступить в поход, “жрец срезает ветку, перевязывает ее и вооружает так, чтобы она олицетворяла одного из врагов: после этого ее бросают в святилище бога войны”:^{169.1} Это формальное обращение к богу безмолвно, и его можно рассматривать как безмолвную молитву; но оно того же оттенка, что и разнообразная масса подражательных практик, которые предназначены для воздействия посредством внушения. Особой ритуал, записанный дождя обществ Северной Америки:^{170.1} эмблемы или рисунка написания, представляющие облака, с перепадами символизируя дождь, кладутся на алтарь, уши кукурузы помещают в сторону их с другими предметами, а кукурузы-уши сбрызнуть водой, и в то же время молитвы протянула призраки, которые управляют дождь-предложения. Мы хотели бы знать, каков способ молитвы; но кажется очевидным, что здесь мы имеем дело с ритуалом молитвы в сочетании с магическим внушением, которое состоит в притворстве, что мы делаем то, что от нас требуется. Опять же, примитивные формулы, разработанные для изгнания демонов болезней и бедности, обычно являются повелительными командами, а не молитвами: например, китайское “Пусть дьявол бедности уйдет”;^{170.2} греческое “Выходи, голод”,^{170.3} и “К двери, вы, призраки”.^{170.4}

Но когда, как в Виро, просьба принимает такую форму, как “Дедушка оспа, уходи”,^{171.1} благоговейное и успокаивающее обращение позволяет нам приблизить это к молитве, поскольку в литургиях ранних, а также передовых религий к божеству обычно обращаются в терминах родства. Мы отметим примеры настоящих молитв, возносимых некультурными расами высшему богу, но сохраняющих что-то от магического характера и тона: мы обнаруживаем это в мистическом употреблении имени, в повторении одной и той же короткой фразы, в монотонном пении, в котором, согласно профессору Тайлору,^{171.2} обычно произносятся молитвы дикарей, тоном месмерического заклинания. Но постепенно, по мере того, как концепция божественности углубляется в прогрессивной расе, и разум проникается сознанием ничтожности человека и несравненного величия Бога, поклоняющийся склонен становиться смиренным просителем, и молитва начинает преобладать над заклинаниями. И в

законодательстве высших религий случилось так, что магия в конце концов стала “подозрительной” и табуированной: тем не менее, самая строгая и очищенная религия часто бессознательно сохраняет определенные элементы ритуала заклинания и даже узаконивает заклинание в силу различия между белой магией и черной. Это различие морфологически необоснованно и, как правило, проистекает из *одностороннего* предубеждения. На самом деле, если мы в общих чертах сравним явления всех религий, мы не обнаружим того раскола и непримиримого антагонизма между магией и религией, которые часто предполагались. Даже в религиях, которые мы должны отнести к высшим, часто представляется, что само божество действует с помощью магии, и сама христианская церковь покровительствует практикам магического значения, таким как испытание, очищение, определенные формы исцеления, изгнание злых духов: все это будет сопровождаться молитвами к Богу, но молитвы настолько пропитаны идеями анимистической магии, что мы вряд ли можем рассматривать их как чистые формы. Тем не менее, хотя низшие элементы так трудно искоренить, опыт некоторых высших сообществ может убедить нас в том, что по мере духовного развития религия может очищаться от них все более и более тщательно, и прогресс идет от заклинания к молитве.

Опять же, мы можем сравнить эти явления с точки зрения прогресса в устремлении. В первобытный период, когда борьба велась за жизнь вообще, а не за то, чтобы жить хорошо, объектами молитвы должны были быть материальные блага, и они все еще занимают видное место в литургиях цивилизованных обществ. Во всех них есть сходство, и главное различие, которое следует отметить, заключается в том, что молитвы обращены только к отдельному человеку, и те, которые направлены на благо общества. Более высокая стадия достигается, когда моральные и духовные качества становятся объектом молитвы; и когда это достигнуто, принцип молитвы, вероятно, будет становиться все более и более духовным, а проситель, все более и более неуверенный в выражении своих материальных потребностей, и с растущим сознанием того, что Божество лучше знает, что хорошо для человека, может подняться до высоты формулы: “Да будет воля твоя”. Интересно отметить, у скольких рас были услышаны подобные высказывания; и временами людям, возможно, помогало в этом сознание, пробужденное научным прогрессом, что законы материальной вселенной нельзя произвольно изменять в соответствии с временными потребностями индивидуума: формула согласия представляется тогда глубочайшей и истиннейшей молитвой. Наконец, в эволюции молитвы мы можем считать, что завершение отмечено теорией, поддерживаемой как более поздней греческой философией, так и раннехристианскими отцами церкви, что истинным намерением молитвы является не простое прошение о каком-то особом благословении, а скорее общение с Богом, к которому это духовный подход. Здесь, как и часто в других местах, высочайший духовный продукт человеческой мысли обнаруживает свое родство с какой-то смутно отдаленной первобытной концепцией; ибо большая часть заклинательных ритуалов, на которые мы обратили внимание, подразумевает идею такого общения, когда человек пытается зарядить себя энергией, черпаемой из квазибожественного источника.

Теперь остается привести конкретные примеры из записи молитвы, иллюстрирующие эти этапы развития. Взглянув сначала на дикие расы, мы уже заметили, что некоторые из их формул, по-видимому, относятся к пограничной области между заклинанием и молитвой. Когда житель Новой Каледонии произносит над костром, который он разжигает, чтобы усилить тепло солнца: “Солнце, я делаю это, чтобы тебе было жарко”, - очевидно, что он обращается не к богу солнца, а к формуле, выражающей внушение его магии.^{175.1} И когда карены Бирмы во время обмолота риса взывают к матери-кукурузе: “Встряхнись, бабушка, встряхнись. Пусть рисовое поле

поднимается, пока не сравняется с холмом, с горой; встряхнись, бабушка, встряхнись”, - ^{176.1} у нас, несомненно, приказ, а не чистая молитва; ибо примитивный растительный ритуал действует скорее по принуждению, чем с мольбой. С другой стороны, у нас есть запись подлинной молитвы каренов, обращенной к “Богу неба и земли, Богу гор и возвышенностей” по случаю того, что грех нецеломудрия, как предполагалось, стерилизовал землю: “Не гневайся на меня, не ненавидь меня, но смилуйся надо мной и сострадай мне.... Теперь я восстанавливаю горы, теперь я исцеляю холмы.... Сделай свое рисовое поле плодородным, свой рис обильным.... Даже если мы выращиваем совсем немного, все же дай нам немного получить”. Но молитва сопровождается чисто магическими обрядами, направленными на восстановление земли. ^{176.2}

Клан буйволов у индейцев сиу украшает себя эмблемами своего тотемного животного, прежде чем выйти на тропу войны, и выражает цель наряда поучительной фразой: “Мой маленький дедушка всегда опасен, когда предпринимает попытки”. ^{177.1} Такое высказывание, рассматриваемое формально, является не молитвой, а утверждением о могуществе буйвола, “маленького дедушки”; поскольку в магическом кредо говорится, что сверхъестественную силу, на приведение которой направлено заклинание, можно заставить сработать с помощью определенных утверждений. что это работает; это наводящие на размышления заверения, которые повышают собственную уверенность; и формула индейцев сиу имеет такую природу; только уговаривающая и располагающая фраза о родстве, по-видимому, подразумевает еще и наполовину мольбу. Мы различаем более четко зачатки молитве слова, обращенные к Санти индейцев на бизонов, когда они предложили ему праздник: “дедушка, почтенный человек, твои дети сделали этот праздник для тебя: пусть еда, таким образом, побудит их жить и приносит им удачу.” ^{178.1} счет Сиу религия сохраняет причудливой формы слов, которые используются для избавления от призрака, чтобы отправить душу умершего в дом мертвых: “вы собираетесь животных, вы собираетесь ваших предков, вы пришли сюда с животными и ты опять идешь туда не лицом ко мне снова: когда вы идете, иди.” ^{178.2} тон слов-это добрый и внимательный, но авторитетным, а не просьбе, и в отличие от формулы, по которой такой же индейцы, как сообщается, используют, когда молятся своим предкам за хорошей погоды и удачной охоты, “духи мертвых, помилуй нас”. ^{178.3} определенные молитвы, привычно использовать в любом из Nalgiri холмы по развитию молочного и буйволов стада были недавно опубликованы, ^{178.4} и как formulæ все в оптативом настроение—“пусть это будет хорошо для буйволы, может быть, это не эсминец и т. д.” и идет обращение к божественной личности или полномочий—“ради такого или такого Бога, может случиться”—мы классифицируем их как молитвы, но обращаться очень слабый и formulæ-видимому, использовались как если бы они обладали самостоятельной эффективностью. Более интересным и пылким является обращение к солнцу, произнесенное охотником-одиночкой из наполовину обращенного в христианство индейского племени кекчи: ^{179.1} его цель - добыть дичь и пищу в пустыне как для себя, так и в качестве подношения богу; но в очень длинном и страстном обращении с многочисленными повторениями очень мало прямой мольбы: индеец довольствуется определенными и обнадеживающими заявлениями о вездесущности божества и легкости, с которой последнее может исполнить его волю: “Это будет возможно”. не доставляй себе труда давать мне всякие игры; и трогательный призыв звучит на почве родства: “Ты мой отец; кто моя мать, кто мой отец? Только ты, о Боже”.

Мы можем рассматривать эти изречения охотника не как заклинания, поскольку его отношение в высшей степени благоговейное и любящее, а как мощное утверждение, достигающее цели молитвы. Нам также не нужно видеть христианское влияние в приведенной последней фразе,

хотя, конечно, это возможно; такое ласковое обращение распространено как в низших, так и в высших богослужениях: египтянин обращался к Исиде в схожих выражениях^{180.1} — “О, мой отец, мой брат, моя мать Исида”, вавилонянин обращался к Белу как к отцу и матери,^{180.2} а ведический гимн содержит фразу: “Ты, о Агни, наш отец, мы твои родственники”.^{180.3} Такие обращения, вызванные привязанностью между нами, указывают на то, что мы относимся друг к другу с любовью. родственники и идея родства человека с Богом принадлежат к азбуке чистой молитвы.

Еще большую ценность, поскольку она проливает свет на отношение ума индейца к силам невидимого мира, представляет так называемая молитва шамана племени навахо из округа Аризона, недавно опубликованная в *"Американском антропологе"*;^{181.1} и, чтобы понять это, необходимо кратко изложить обстоятельства. Шаман рассказывал американскому исследователю историю нисхождения своего племени в нижний мир и их возрождения: после рассказа он опасается, что разговор о нижних областях мог привести к тому, что его собственная духовная или астральная часть покинула его тело и отправилась туда; и поэтому он продолжает читать длинную так называемую молитву, предназначенную для освобождения его души от колдовства, которое, возможно, удерживает ее внизу. Строго говоря, нам вообще не следует называть это молитвой, но повествованием в изъяснительном наклонении, утверждающем, что боги войны племени на самом деле делают то, чего он от них особенно хочет, а именно, спуститься вниз и спасти его душу от женщины-вождя, “подземной ведьмы”. Каждый шаг их пути туда и обратно тщательно пересказывается несколько раз, чтобы они не ошиблись; и когда предполагается, что они вернули его душу, рассказ заканчивается радостным припевом: “Мир передо мной восстановлен в красоте: мой голос восстановлен в красоте”, каждая фраза повторяется пять раз. На самом деле это заклинание-повествование о богах, имеющее тот же эффект, что и молитва, и является двойной иллюстрацией примитивной идеи о том, что разговор о чем-то заставляет это произойти; идея, не полностью исчезнувшая среди нас и, возможно, лежащая в основе некоторых литургий высших религий.

Что касается остального, дикари часто молятся так же усердно, как цивилизованный человек, и сопровождают некоторые из своих очищений и врачебной магии настоящими молитвами к высшим богам о даровании им эффективности: например, африканский врач, принимающий лекарство, показанное ему фетишем, сначала поднимает его к небесам и молится: “Отец Небесный, благослови это лекарство, которое я сейчас даю”.^{183.1} Но я не смог найти ни одного примера молитвы дикарей о моральном или духовном благословении. Интересная особенность, однако, прослеживается в многословной и очень требовательной молитве, обращенной кхондами Ориссы к богине земли; после очень тщательного изложения своих материальных потребностей они заканчивают словами: “Мы не знаем, о чем хорошо просить. Ты знаешь, что хорошо для нас, дай это нам”.^{183.2} Это, по-видимому, уникальная дикая версия великой фразы “Да будет воля твоя”.

Обращаясь теперь к литургиям более развитых народов,^{183.3} мы можем вкратце отметить вначале одну особенность, которая встречается в большинстве из них, если не является общей для всех; а именно, идею о том, что молитва приобретает силу от торжественного произнесения истинного божественного имени. Этот феномен был исследован недавними авторами по сравнительному религиоведению, особенно Гизебрехтом в его трактате *"Альтернативно-завещательный список имен"*.^{184.1} В примитивной психологии имя является частью личности, и в нем заложена душа или сила индивида: следовательно, тот, кто носит имя личности, будь то

человеческое, сверхчеловеческое или божественное, может осуществлять определенный контроль над ним посредством его магического применения. Так, в обращении к богу Укко в “Калевале”: “Укко, о ты, бог на небесах, Укко, приди, мы призываем тебя, Укко, приди, мы очень нуждаемся в тебе”, - есть достоинство в троекратном повторении имени, и этот отрывок является частью обращения, которое называется “волшебные слова”. Свидетельства тевтонского язычества, насколько я знаю, отсутствуют, хотя эта идея наложила свой четкий отпечаток на сагу о человеке. Его влияние наиболее сильно, а действие наиболее интересно в литургиях Средиземноморья и Индии. В древнем Лациуме, по-видимому, понтификаты пытались скрыть истинные имена богов, чтобы они не могли быть неправильно использованы посторонними лицами^{185.1} или чтобы враг не узнал о них и тем самым не получил силы увести божества прочь. Таким образом, мы можем понять часто неверно истолковываемое утверждение Геродота о том, что пеласгийские божества были безымянны; и сами греки, должно быть, были знакомы с ритуальной предосторожностью сохранения в тайне божественного имени, как мы можем заключить из фразы в еврипидовом фрагменте^{185.2} о просветленном человеке, “который знает безмолвные имена богов”: любопытно найти точно такое же выражение в ведийском гимне,^{185.3} в котором жертвенный столб или дерево, к которому привязывались жертвы, адресовано таким образом: “Туда, где ты знаешь, о дерево, священные имена богов, туда отправляй подношения”. Возможно, что то же самое суеверие могло быть первоначальной причиной иногда наблюдаемого обычая безмолвной или неслышимой молитвы: формулы, к которым прилагается божественное имя, обладают такой силой, что их приходится скрывать.

Вера в то, что имя принадлежит сущности личности, объясняет любопытную формулу в умбрийской молитве, сохранившейся в *Tabulæ Iguvinæ*, где бога Грабовиуса умоляют быть благосклонным к “*Arx Fisia*” и к “имени *Arx Fisia*”, как если бы название города было живым и независимым существом.

В греческих литургиях мы отмечаем особую тщательность, с которой подбирались определенные определяющие эпитеты и присоединялись к личному имени божества, чтобы было ясно, каково точное действие божественной милости, на пробуждение которой была направлена молитва. Это объясняет, почему так много божеств, некоторые из которых были едва известны за пределами узкой области, были названы *πολυώνυμος*, “ты, многоименный бог”, все возможные титулы власти были объединены одним словом. Некоторые места у поэтов становятся понятными только в свете этой идеи: например, хорошо известная фраза в припеве “*Агамемнона*” Эсхила:^{187.1} “Зевс, кем бы ни был бог, если это имя Зевса дорого ему, этим именем я сейчас обращаюсь к нему”. Мысль и слова ведийского поэта часто совпадают с греческими: Агни - это *πολυώνυμος*: “Агни, много имен у тебя, Бессмертного”; и и снова: “Обожаящий отец дает тебе много имен, о Агни, если ты получишь от этого удовольствие”.^{187.2}

Но именно в Египте, стране магии, идея могущества божественного имени приобретает поистине гигантские масштабы. В ранней метафизической теории происхождения вещей, которая в своем гармоничном внутреннем противоречии вполне достигает уровня гегелевской философии, говорится, что вселенная возникла, и сам первый бог осуществляет свое собственное творение, произнося свое собственное знаменательное имя:^{188.1} в начале было имя. О великом боге Ра сказано, что “имена его многообразны и неизвестны, даже боги не знают их”. Естественно, поэтому богиня Исида пожелала узнать его настоящее имя и, узнав его хитростью, стала повелительницей его и всех богов.^{188.2} В некоторых египетских папирусах,

содержащих молитвы Абрахаса, мы находим молитву иногда в сочетании с напоминанием о том, что проситель знает божественное мистическое имя;^{188.3} таким образом, молитва представляет собой нечто большее, чем просто смиренную мольбу.

Не заимствовали ли ранние израильтяне из Египта ту же мистическую иллюзию относительно божественного имени, которая некоторым ученым последнего поколения казалась верой, присущей избранному народу? По крайней мере, благодаря недавнему изложению фактов, мы теперь можем понять внутреннюю силу таких молитв, как “Спаси меня, о Боже, именем твоим и суди меня силой твоей” псалмопевца:^{189.1} о предупреждении Яхве своему народу во время Исхода повиноваться ангелу, которого он посылает им: “Повинуйтесь его голосу”.... ибо Имя Мое в нем”:^{189.2} о клятве, данной посвященными в секту ессеев, не разглашать имен ангелов:^{189.3} о выражениях в Новом Завете, касающихся изгнания бесов и исцеления больных именем Иисуса: наконец, о знаменательной фразе при крещении “крестить во имя Христа”,^{189.4} которая раскрывает имя как религиозную силу, в которую, как в духовную атмосферу, погружается взрослый оглашенный или посвященный младенец. привезли. И эти факты религии старого света и религиозной логики проливают новый свет на формулы имен, которыми заканчивается большинство молитв христианской церкви, и которые являются словами силы, ускоряющими молитвенный дом; и хотя современное сознание часто может не осознавать эту их мистическую функцию, мы можем полагать, что она была более четко осознана в первые дни христианства, поскольку в апокрифических деяниях Святого Иоанна мы находим длинный список мистических имен и титулов, приписываемых Христу, придающих молитве оттенок очарования.^{190.1}

С этим суеверием об именах, как кажется, связана вера в то, что для обретения полной власти над человеческой или божественной личностью необходимо знать их происхождение и выразить то, что знаешь о них, в заклинании: так, в "Калевале" юного мага обучают происхождению вещей, чтобы он мог знать соответствующие чары против них, а длинный рассказ о происхождении железа, считающегося демонической субстанцией, встречается в словесной магии, используемой для исцеления нанесенной им раны. Следовательно, мы можем объяснить описательный или, так сказать, биографический элемент в заклинаниях, которые находятся на границе молитвы. Изгоняющий злые сны в Атхарва-Веде молится или поет так: “Мы знаем, о сон, твое рождение; ты - сын божественного женского народа, орудие Смерти. Ты - конец, ты - Смерть. Так мы познаем тебя, о сон: ты, о сон, защити нас от злых снов”.^{191.1} И в поклонении Агни выражается вера в то, что “молитвы наполняют тебя силой и укрепляют тебя”, и за этим сразу же следует рассказ о его природе и происхождении.^{191.2} Не слишком ли неправдоподобно проследить выживание этой древнесветской мысли, уходящей корнями в магию слова и утверждения, в то значение, которое придается догматическому биографическому утверждению в нашей собственной литургии? Мы рассматриваем это как исповедание веры: оно также может рассматриваться как выражение знания верующего о божественной личности, посредством которого он возвышает себя до общения с ней и таким образом обретает силу для своей молитвы.^{192.1}

Рассматривая теперь в более общем обзоре литургии народов, достигших культуры, мы могли бы начать с наших собственных отцов. Но сохранилось так мало того, что касается внутренней жизни их дохристианской религии, что, вероятно, из записей можно извлечь не так уж много материала для нашей настоящей цели. Мы знаем, что они были даны для использования руны

или заклинания, соперника или родителя молитвы; и одно из них, использованное Одином для исцеления вывихнутой ноги жеребенка Бальдра, является, возможно, единственным сохранившимся фрагментом индогерманской поэзии.^{193.1} Один поет: “Кость к кости, кровь к крови, конечность к конечности, как будто они склеены”; в более поздней норвежской, а также в шотландской версии именно Христос исцеляет жеребенка теми же магическими словами, усиленными, однако, словами бога. формула: “Исцеляй во имя Святого Духа”. И это полезное лекарственное заклинание не было забыто индийцами-ариями, ибо в Атхарва-Веде мы находим слова: “Соединяйся, волос с волосом, соединяйся, кожа с кожей: твоя кровь, твои кости вырастут”.^{193.2} Ни бог, ни призрак не были нужны, чтобы усилить силу таких заклинаний. Но, вероятно, незадолго до христианства молитва стала преобладать над заклинаниями на тевтонском Севере, поскольку там сохранились следы определенного растущего антагонизма между магией и религией, который привел к осуждению определенных форм магии.^{194.1}

Возникает интересный вопрос о молитвенном заклинании, использовавшемся древними англичанами против бесплодия полей: “Приветствую тебя, Земля, Мать людей, становящаяся плодородной в объятиях Бога, наполняющаяся плодами для пользы человека”.^{194.2} Это поэтическое высказывание подразумевает истинное $\dot{\iota}\epsilon\rho\delta\varsigma\ \upsilon\acute{\alpha}\rho\mu\omicron\varsigma$, или священный брак земли и небес в греческом смысле; и живо напоминает нам формулу заклинания, использовавшуюся в Элевсинских мистериях и восходящую к периоду, когда целью их было в основном земледелие, - $\Upsilon\acute{\epsilon}\ \text{K}\acute{\upsilon}\epsilon$, “Пролей дождь и зачни”, которое произнес мистес, скрестивший руки на груди и поднявший взгляд к небу при первом слове и опутивший глаза к земле при втором: заклинание-молитва о плодородии и приумножении человечества. Тогда, вероятно, правильно называть эту фразу наших предков, которая, насколько мне известно, является единственным сохранившимся фрагментом их дохристианской литургии, молитвой-заклинанием, которая была эффективна скорее как внушение, чем как мольба.

Того же двусмысленного характера носило древнеримское песнопение жрецов Марса “*Enos Lases iuvate*”, “Помогите нам, о духи наших предков”, повторяемое с повторением, обычным для заклинаний, и сопровождаемое танцами и произнесением слова “*triumpe*”. С высшей точки зрения дошедшие до нас римские молитвы бесплодны и скучны; хорошо известный литургический архив, содержащий обращение Рима к Юпитеру в критические дни Ганнибаловой войны, представляет собой осторожный и искусно составленный юридический документ, призванный связать бога так же, как и государство.^{195.1} Фактически духовная сторона древнеримского характера не оставила о себе никаких следов ни в одном из ритуалов или литургий, о которых у нас есть записи. Молитва Катона, которая сохранилась, носит чисто материалистический характер.^{196.1}

Мы ожидаем от Греции гораздо большего, и в какой-то мере мы не разочарованы. Ритуал заклинания, без сомнения, всегда был в моде, особенно в целях сельского хозяйства и очищения: мы слышим о неких “магах” или $\mu\acute{\alpha}\gamma\omicron\iota$ Клеоны, которые предотвращали град заклинаниями и пролитием собственной крови.^{196.2} А торжественной частью Государственной литургии в Греции была служба причастия, во время которой произносились проклятия за определенные преступления против государства. Религиозное проклятие - интересный феномен, которому нелегко дать краткое полное и точное антропологическое описание; оно подхвачено высшими религиями, но ни в коем случае не возникло в них, принадлежа скорее к сфере заклинаний, чем молитвы, и производя свое действие посредством магического внушения. Даже еврейская служба, которой мы все еще пользуемся в Пепельную среду,

использует формулы проклятий, в которых нет прямого обращения к Богу, и первоначально они, возможно, рассматривались как обладающие независимой эффективностью. Это, безусловно, имело место в Греции, поскольку проклятие само по себе олицетворялось как независимая, личная сила; и сами Эринии, в некоторой степени личные воплощения проклятия, воздействуют на жертву, по словам Эсхила, поют заклинательную песню, которая связывает его душу и иссушает ее.^{197.1} И многие частные “посвящения” или “диреи”, дошедшие до нас из греческой древности, написанные обычно на свинцовых табличках и посвящающие врага силам нижнего мира, действительно используют обращение к этим силам. Это может быть истолковано как молитва, но их основное качество магическое, и они, безусловно, должны были действовать как заклинания против человека, в то время как даже божества, которым они адресованы, кажутся вынужденными, а не умоляющими. В одном интересном примере первого века нашей эры, найденном в Эгине,^{198.1} эллинско-христианского или, возможно, иудейского происхождения, проклятие принимает форму молитвы о праведном отмщении — “Я взываю к Высшему Богу, Господу всех духов и всей плоти, перед которым каждая душа в этот день смиренно взывает с мольбой против тех, кто предательски убил или отравил несчастную Гераклею”. В греческой юридической процедуре проклятие иногда произносилось против самого себя, если кто-то отказывался от себя или если он был убит. виновен по предъявленному обвинению; и здесь, как и в аналогичных случаях в христианской юриспруденции, проклятие - это обращение к высшему богу, который накажет за лжесвидетельство; но мы находим, что оно аналогичным образом используется на анимистической стадии религии, например, африканцем, который приносит клятву своим фетишем,^{198.2} “Пусть этот фетиш убьет меня, если я не выполню контракт”; и в таких случаях мы должны рассматривать проклятие как заклинание, действующее посредством внушения против самого себя, а не как молитву.

Прежде чем рассмотреть собственно греческую молитву, мы можем отметить в качестве последнего примера двусмысленной формулы, находящейся, как кажется, на полпути между заклинанием и молитвой, поразительное литургическое произнесение древнего додонецкого ритуала, использовавшегося для сельскохозяйственной службы: жрицы скандировали припев двумя гекзаметрами, древним религиозным метром: “Бог был, Бог есть, Бог будет, о Великий Боже; земля приносит плоды, поэтому взывай к матери-земле”.^{199.1} Сходство этого с ранней английской формулой, процитированной выше, достаточно поразительно. Первая строка принадлежит возвышенной религии и кажется далекой от области магии; но в равной степени духовные формулы, касающиеся природы и атрибутов Бога, использовались в заратустрийских и вавилонских литургиях в магических целях, точно так же, как тексты из Библии и Корана. А во второй строке используется тот же метод, что и у шамана племени навахо, поскольку в ней утверждается, что божество совершает именно то, что является целью литургии. Обращение к матери-земле, которое предписано, возможно, было просто произнесением ее имени, заклинанием, по крайней мере, в такой же степени, как молитвой. То же самое можно сказать и о других популярных припевах, которые земледельцы древней Греции распевали для получения хорошего урожая или хорошей погоды: “Дай нам большие снопы, снопы” Деметре,^{200.1} или “Взойди, дорогое солнце” богу солнца.^{200.2}

Общественные молитвы Греции, которые фактически использовались в храмовой службе и официальных литургиях, не сохранились, и в этом отношении греческие летописи очень скудны по сравнению с вавилонскими, ведийскими или иранскими. Но хотя сами формулы утрачены, из надписей и других литературных источников мы можем составить некоторое представление о целях молитвы. Афинское государство молилось “За здоровье и безопасность афинского

народа, их жен и детей и всех в стране”,^{201.1} и формула могла включать молитву о процветании их союзников, таких как милезийцы или платейцы. Но у нас нет никаких указаний на то, что благословения, о которых молились, включали в себя и другие, помимо материальных. В Lacedaemonians высоко Сократ^{201.2} воздержаться от указания каких-либо конкретных хотите, либо в их частной или общественной молитвы, но приходится довольствоваться молиться, чтобы боги должны предоставить им τὰ καλὰ ἐπὶ τοῖς ἀγαθοῖς: фраза Есть что-то подлинное кольцо, и, вероятно, происходит от реальной литургии, но это не совсем точно; кажется, однако, включать духовные благословения, а также материал, и в этом отношении должен быть уникальным среди публичных молитв в Греции, если мы смеем судить их скудные записи. Вероятно, формулы были очень старыми, а диапазон устремлений обычно узким; и идея о том, что морального прогресса можно достичь с помощью молитвы, вряд ли, вероятно, была отражена в них; и все же мы должны принять к сведению жалобный вопрос, заданный коркирским государством, уставшим от гражданских беспорядков и резни, додонецкому оракулу: “Какому богу или какому герою мы должны молиться, чтобы достичь согласия и управлять нашим городом справедливо и благоустроенно?”^{202.1} и мы находим чиновника от образования Коса во втором веке н.э. До н.э., молясь “о здоровье и добродетельном поведении мальчиков”.^{202.2}

Мы лучше осведомлены о стиле частной молитвы в Греции, а также о теории молитвы, которая постепенно стала достоянием высшего разума. Средний частный человек, безусловно, был способен молиться о благословениях, отличных от материальных. У нас есть молитва Поттер Метапонта, в шестом веке до н. э., молясь Богу, чтобы он мог “иметь доброе свидетельство среди людей”.^{203.1} среди молитв, содержащихся в литературе пятого века, наш интерес привлекают такие изречения как Пиндара, “может я уйду, Господи, в пути бесхитростной жизни, и оставлять за собой справедливое название для моих детей”;^{203.2} и снова: “О Боже, что приведешь все пройти, даруй мне дух благоговения за знатные дела”;^{203.3} и этим Еврипида, “пусть дух целомудрия, пребудь со мной, самый честный дар Божий”.^{203.4} в этом возрасте могут принадлежать поэтический фрагмент банкетный песня—для греков мог молиться добродушно и серьезно в разгар общения—которых, должно быть, однажды сильно моде: “о Паллада, рожденная из воды, Королева Афина, если бы ты и твой отец держит этот город и его жителей в достатке, свободный от печали, гражданские распри, и преждевременной смерти.”^{203.5} молитвы Ксенофонт и Плутарх может быть взят как типичный средний этические чувства их соответствующих отчетных периодов: первый петиции “здоровье, телесная сила, хорошо чувствует себя среди друзей, в безопасности, войны и богатства”;^{204.1} последним для “богатства, согласие, праведность и словом и делом.”^{204.2}

Тем временем философы, начиная с Сократа, настаивали на более духовном взгляде на молитву, проповедуя, что, во-первых, нет необходимости придавать особое значение своим нуждам в прошениях к Богу, поскольку существует опасность, что человек будет молиться о том, что вредно; во-вторых, что молитва должна быть направлена только на духовную, а не на материальную жизнь. И мы обязаны эту теорию некоторые яркие высказывания, которые должны занимать высокие места в литературе, этической религии: например, молитва Сократа, δοίητέ μοι καλῶ γενέσθαι τᾷ δόθην, “уступи мне, чтобы стать благородным сердцем”^{204.3}; Аполлоний Тианский, ὦ θεοὶ δοίητέ μοι τὰ ὀφειλόμενα, “О боги, дай мне то, что я заслуживаю”^{204.4}; более поэтическая формула, приведенная Платоном, “Царь Зевс, даруй нам благо ли мы молиться за него или нет, но зла держать от нас, хотя мы молимся за это”^{205.1}: а с этими мы сравниваем изречение Эпиктета^{205.2}: “в молитве на Божественной силы просить о божественной

вещи, свободной от плотских и земных обстоятельств.” Другие проявления секты стоиков столь же поразительны духом горячего согласия и смирения, который их вдохновляет. Вот молитва Эпиктета: “Делай со мной, что хочешь: моя воля — это твоя воля: я не оспариваю твоих суждений”^{205.3}; и поэтическая версия этого дошла до нас из более раннего стоицизма - “Веди меня, о Боже, и я последую за тобой добровольно, если я мудр, но даже если не по своей воле, я все равно должен следовать”. Молитва, записанная в апокрифических Деяниях святого Фомы^{205.4}, кажется почти отголоском этих: “Я иду, куда Ты пожелаешь, о Иисус: да будет воля Твоя”.

Когда лучшая мысль эпохи достигла такой точки духовной абстракции, было естественно, что возник тот же вопрос, который возникал у более философски настроенных приверженцев раннего христианства, - оправданы ли вообще особые молитвы. Похоже, что в какой-то период пифагорейская школа была склонна вообще запретить молитву,^{206.1} по той причине, что Бог лучше знал, как давать, чем человек умел просить; но более поздний неоплатонизм обнаружил идеальный *смысл существования* этой практики на том основании, что она возвышает разум к непосредственному общению и беседе с Богом; и эта точка зрения очень подробно развита Проклом.^{206.2}

Этот краткий обзор греческих феноменов, относящихся к нашей теме, можно завершить примером того крайнего мистицизма, которым отмечены литургии позднего язычества: ниже приводится завершение длинного обращения к Асклепию — эллинскому божеству, привлеченному сюда в египетский круг, — найденного в трактате под названием *Асклепий*, приписываемом Апулею:^{207.1} “Мы радуемся твоему божественному спасению, потому что ты полностью явил себя нам: мы радуемся, что ты соизволил посвятить нас вечности, пока мы еще живы”. в этих смертных телах. Мы познали Тебя, о истинная жизнь в жизни человека.... Преклоняясь перед твоей благостью, мы возносим эту нашу единственную молитву... что ты был бы готов всю нашу жизнь хранить нас в любви к твоему знанию”. По крайней мере, отрывки из этой молитвы, которая была прелюдией к причастной вечере, нас бы не удивили, если бы мы нашли ее в христианской литургии.^{207.2}

Далее будет удобно взглянуть на записи других великих ветвей древнего арийского мира, индийских вед и иранцев. Недолго читать священные книги Индии, чтобы не прийти к убеждению, что высшая религия Вед была глубоко проникнута жреческой магией; которая была настолько далека от того, чтобы утратить свою силу в более поздний период, что заточила религиозную мысль в тюрьму, а поздний брахманизм был способен верить, что без заклинания жертвоприношения солнце не могло бы совершать свой путь по небу. А чтение заклинаний составляет большую часть ведического ритуала. Так, в гимнах говорится о боге огня Агни: “Вдумчивые люди находят Агни, когда произносят заклинания”; и сами боги, подобноскандинавским божествам, действуют с помощью заклинаний: “Агни поддерживает небо своими действенными заклинаниями”.^{208.1} Тем не менее, ранние записи дают нам также множество иллюстраций настоящей молитвы, а иногда и очень возвышенного тона. Это правда, как и следовало ожидать, что материальные и временные преимущества, безусловно, являются преобладающими объектами прошения: глава семьи молится о богатстве, потомстве, победе в битве или гонках; за редкими исключениями, молитвы носят личный характер, а не

политический, и, таким образом, резко контрастируют с эллинскими; тем не менее, у нас есть несколько молитв, которые, очевидно, предназначены для общества,^{209.1} и иногда к божеству обращаются с просьбой даровать обильный запас доблестных людей. Но даже в тех немногих молитвах, которые отражают политическую жизнь государства, склонен проявляться индивидуалистический дух. У нас есть любопытный пример обращения к Индре с просьбой наделить человека властью в политическом собрании: “Во всем этом собрании добейся, о Индра, моего успеха”, и это сочетается с наивным заклинанием, с помощью которого политик пытается загипнотизировать все собрание: он называет собрание — как наш Оратор мог бы назвать непокорного члена — “Мы знаем твое имя, о собрание.... Из тех, кто сидит вместе, я забираю себе силу и понимание”: и снова: “Своим разумом я овладеваю вашими умами”.^{210.1} Но даже когда молитва личная и материалистическая, часто можно обнаружить настоящий пыл и добродушную поэтическую свежесть. Вот прекрасное вступление к молитве о долгой жизни, обращенной к древнему богу небес: “Многие зари еще не забрезжили: даруй мне жить в них, о Варуна”. И часто поклоняющийся поднимается над простыми материальными устремлениями, например, в таких обращениях к Агни, как следующие: “Пусть мы будем добрыми перед богами”.^{210.2} “Не оставляй нас, о Агни, без размышлений”.^{210.3} “Даруй ты великолепие, славу и (мудрый) разум тем смертным, которые удовлетворяют тебя освежением, о Агни”.^{210.4} “Гони прочь от нас бессмысленность и тоску: гони прочь всякую недоброжелательность от тех, кого ты посещаешь”.^{210.5} Временами также гимны раскрывают глубокое осознание греха и желание божественного прощения. “Из-за недостатка силы, ты, сильный и светлый бог, я сбился с пути. Помилуй, Всемогуший, помилуй!”^{211.1} “Агни, изгони из нас грех, который сбивает нас с пути истинного”.^{211.2} “Величием земли, о Агни, прости нам даже совершенные грехи, чтобы мы могли стать великими”.^{211.3} “Какой бы грех мы ни совершили против тебя по легкомыслию, такие мы люди, сделай ты нас безгрешными перед Адити”.^{211.4} Все же мы можем подозревать, что термин “грех” не всегда используется в этих молитвах в его современном этическом смысле, не например, в молитве, “От грехов, которые сознательно или неосознанно мы совершили, вы, все боги, единодушно освобождаете нас”;^{211.5} и примитивная концепция, на которой была основана древняя магия переноса грехов, сохранилась в таких отрывках, как следующие: “Отойди подальше, о грех разума: почему ты производишь то, что не должно быть произнесено? Уйди, я не люблю тебя: к деревьям и лесам, продолжай!”^{212.1} “Войди в лучи, в дым, о грех; войди в пары и туман”.^{212.2} Контекст раскрывает лишь косвенное обращение к личному божеству, хотя термин “грех” в предыдущем отрывке явно применяется к тому, что мы должны называть моральными преступлениями.

Таким образом, в ведическом ритуале мы находим чистую и духовную форму молитвы; однако определенная магическая сила может быть присуща даже высшим типам, поскольку мы нередко встречаем представление о том, что молитва питает и усиливает не только силу верующего, но и силу божества;^{212.3} и сама молитва обычно сопровождается действенным действием. С этим аспектом ведических молитв мы можем связать тот факт, что Агни, бог огня, является главным божеством, которому они адресованы; поскольку его ритуал носит очистительный характер, и молитвы, таким образом, основаны на литургии очищения, которая стимулирует умственную или духовную силу молящегося.

Теперь мы можем обратиться к другой великой арийской расе, иранцам, чья ранняя религия достигла кульминации в системе Заратустры. Отношение заклинания к молитве в “Зенд-Авесте” в целом такое же, какое мы находим в ведических гимнах: настоящее заклинание может сопровождать настоящую молитву, а сам текст молитвы становится сильнейшим заклинанием.

Врач-“священнослужитель”, который, как мы видели, занимал более высокое положение в оценке заратустры, чем практикующий ученый, сначала возносит Ахура-Мазде искреннюю молитву о духовной силе для борьбы с болезнью— “Дай нам, Ахура, то могущественное владычество, силой которого мы можем победить лекарство (демона)”. Исполненный этой гипнотической силы, он затем направляет свое заклинание против демона болезни: “Тебе, о Болезнь, я говорю — Уходи! Тебе, о Смерть, я говорю — Уходи!”^{214.1} И в ритуале очищения, который очень напоминает систему терапии, используются формулы молитв самого возвышенного типа из священных книг, но не как молитвы, а как катарсические заклинания.^{214.2} Нетрудно различить ступени, ведущие от этой ступени мышления к высшей, на которую пришли религиозные размышления Заратустры. Произнесенному Слову Божьему придается сверхъестественная космическая сила; и пророк провозглашает, что это произнесение “Святого Слова имеет такую природу, что, если бы весь материальный и живой мир усвоил его и, научившись, крепко держался бы за него, они были бы избавлены от своей смертности”.^{214.3} И мы можем понять, почему большая часть заратустрианской литургии должна быть посвящена повторению формул, которые являются утверждениями маздеистской веры. Перед тем как вставать утром и ложиться спать вечером, благочестивому персу было рекомендовано сказать: “Все добрые мысли, все добрые слова, все добрые дела я совершаю добровольно; все злые мысли, все злые слова, все злые поступки я совершаю неохотно”.^{215.1} Интересно сравнить с нашим собственным вероучением следующее маздейское исповедание: “Я признаю себя маздаяснианином ордена Заратустры: я восхваляю себя за добрые мысли, добрые слова и добрые дела.... Воспевая хвалу, я представляю все хорошие мысли, хорошие слова и добрые дела, а отвергая, я отвергаю все злые мысли, слова и поступки. Здесь я приношу вам, о вы, Щедрые Бессмертные, жертву и почитание разумом,^{215.2} словами, делами и всей моей личностью, да, я предлагаю вам плоть самого моего тела”.^{215.3} Формулы исповеди, а также другие части этой литургии проникнуты идеей морально-теологического дуализма, которому наше христианское богословие косвенно глубоко обязано. Маздеец заявляет о своем отвращении к даэвам и к Ангра-Майнью, злому богу. “Наученный Ахурой, я изгоняю Ангра-Майнью из этого дома, из этого района”; такие слова являются “победоносными, наиболее исцеляющими”,^{216.1} и могут быть использованы при чтении нашего символа веры и заклания, как настоящие заклинания против злой силы или демона. Но сравнивая заклинательные молитвы персидского языка с ведийскими, мы поражаемся превосходству первой литургии в одном отношении, а именно в том, что здесь заклинание направлено только на демона, а не на высшего бога; молитва увеличивает духовную силу верующего, но не ограничивает Ахуру.

И иранские молитвы, по-видимому, возвышаются над ведическими по энтузиазму идеи праведности, которая их пронизывает, и по убежденности в том, что верующий может помочь Ахурамазде в постоянной борьбе с силой зла и в содействии окончательному установлению праведного царства. Он молится о том, чтобы “Благой мыслью и святостью того, кто воздает тебе должное по заслугам, Ты мог, о Господь, сотворить мир Воскресения по твоей воле, под твоим суверенным правлением”.^{217.1} “Пусть мы будем такими, как те, кто осуществляет это великое Обновление”.^{217.2} “Пусть мы поможем установить хорошее правление Ахуры, которое является лучшим для нас в каждый текущий час”.^{217.3} “Будьте праведны, жизнестойки и облечены телом”. В том царстве, которое сияет великолепием, подобным солнцу, пусть присутствует благочестие, и пусть оно, пребывая в твоём добром разуме, дарует нам благословения в награду за поступки”.^{217.4} На самом деле, большее количество молитв поразительно духовны и направлены на духовные, а не материальные благословения. Пророк

спрашивает Ахуру: “Как человек может стать наиболее подобным тебе?”^{217.5} и молится о “помощи благодати, умоляя о том, что в соответствии с твоей желанной целью является наилучшим”.^{218.1} И молитва иногда направлена к абстрактным моральным силам, эманациям Ахуры: “Если Мазда-Ахура, Праведность и Благочестивое Согласие призывают, я умоляю благим умом о царстве для себя, посредством увеличения которого мы можем победить Ложь”. Царство здесь - “Желанное Царство Бога”. Праведность”.^{218.2} Несомненно, маздейское царство было не от мира сего, а религия заратустры - одна из наименее материалистичных, которые знал мир; ее главной моральной слабостью является, как мы видели, ее приверженность ритуальной чистоте. В заключение, демонстрируя преемственность национального духа, мы можем отметить заявление персидской христианки, епископа Афрахата из Восточной Сирии, о том, что единственным действительным объектом молитвы является чистота сердца.^{218.3}

Многие из явлений, которые мы отмечали среди арийских рас, снова встают перед нами, когда мы обращаемся к халдейско-вавилонским литургиям. Здесь также возникает без реального антагонизма между заклинания и молитвы, магию и религию.^{219.1} заклинание-formulae используются и сопровождается ритуалом очищения, чтобы изгнать злых духов болезни, и высшая гимнов, содержащих настоящие молитвы может быть использован в качестве текстов для магических целей, и даже сами боги работу по волшебству, и Мардук сам вызывается, как архи-мага.^{219.2} и мысль о том, что молитва может в определенном смысле упражнение, принуждение к Богу появляется в анекдот рассказал Порфирий о Chaldaean который был экспертом в “очищения души: но нашли его усилия предотвратить благодаря тому, что еще один человек, который был силен в этом искусстве, посредством мистических молитв, связан на себя полномочия, которые он уже излагал не в удовлетворении его требований.”^{219.3} но со стороны все это мы находим часто возвышенной молитвы, с духовной и зазорного выражения почтения; и религиозный закон, что “молитва освобождает от греха” дано в рамках Мардук откровения человеку.^{220.1} большое количество записей содержат литургии, используемого при царях, и во время победы, здоровья, и долгих лет жизни, незыблемость династии являются более привычными объектами петиции, глубокие этические тона часто слышал. Ниже приводится несколько примеров высших устремлений вавилонской религии. Основатель нововавилонского царства записал свои убеждения для руководства своим преемником: “Мардук видит устами, видит сердцем: тот, кто остается верен Белу и сыну Бела, будет жить вечно”.^{220.2} Одной из величайших молитв в этом или любом другом богослужебном сборнике является та, которую Небукаднезар обратился к Мардуку при его восшествии на престол:^{220.3} “О Вечный Правитель, Господь Всего ... веди царя правильным путем”.... Я... творение твоих рук: после твоей великой милости, которую ты проявляешь ко всем, о Господь, даруй, чтобы твое высокое величество могло проявить сострадание ко мне: всели в мое сердце страх перед твоим Божеством: даруй мне то, что ты считаешь лучшим: ибо именно ты создал мою жизнь”. Вряд ли это тот Небукаднезар, которого, как нам когда-то казалось, мы знали. Трогательный интерес представляет также молитва Набоннеда богу Шамашу о его сыне Белсазаре:^{221.1} “Продли дни Белсазара, моего первенца, пусть он не совершит греха”. Царь Набоннедос также молится Мардуку: “Пусть я буду править как царь в соответствии с твоим желанием... не дай мне в моей гордости потерять тебя, ибо именно ты выбрал меня”.^{221.2} следующие фразы в молитве, чтобы Мардук неизвестного правителя еще более поразительное: “о Мардук, Великий Владыка... дай мне узреть твои Бога, позволь мне обрести желание моего сердца: набор правду на мои губы и благодати в моем сердце”.^{221.3} между атрибутами богов есть горячее признание их власти и compassionateness: Мардук - “Бог милостив, кто любит, чтобы оживить то, что мертво”;^{222.1} и

Ishtar, богиня, вызывается как “помощник угнетенных, ты наделен величием; ты, кто raisest павших и exaltest на поправление под ноги.”^{222.2} и та же мысль появляется в гимне, чтобы другой богини, как символ с Ishtar, в которых мы ловим сигналы высокой религиозной поэзии памяти:^{222.3} “о, сильный и величественный, высшая из богинь, сияющая звезда... сильнейшей из богинь, чье одеяние-свет: ты жгучим курса через небо и engirdle земли... дело наказания и умоляет для мужчин, награждение просто, ведущих странник, свергнув врага, который не боится твоего божества, охранявшие пленника, принимая слабой рукой—будь милостив к рабу Твоему, кто призывает твое имя с благодатью”.

Эту краткую иллюстративную подборку можно завершить цитатой из молитвы или хвалебного гимна Мардуку, возможно, самого замечательного из тех, что до сих пор были переведены:^{223.1} “Господь, несравненный в могуществе, Царь благодати, Правитель земель, несущий мир на небесах, который своим взглядом низвергает могущественных. Господи, престол твой - Вавилон, корона твоя - Борсиппа. Мысль твоя, о Господь, проносится над широкими небесами, и глазами твоими ты взираешь на страдания людей, гневом лица твоего ты распространяешь плач, и ты берешь в плен того, кто не обращает на тебя внимания и восстает против тебя. Своим милостивым ликом ты являешь людям благосклонность, ты позволяешь им увидеть свет, и они провозглашают твою Праведность. О Владыка земель, Свет Изизи, ты, провозглашающий благодать, кто тот, чьи уста не говорят о твоей Праведности, кто не восхваляет твое величие и не прославляет твою светлость?... Взгляни вниз на руки, воздетые в молитве к тебе. Окажи милость городу твоему Вавилону... и обрати лицо твое к дому твоему, и окажи помощь сынам Вавилона и всему народу твоему”.

Со всеми своими заклинаниями и магией высшие умы вавилонян знали, как молиться, и пылкие и возвышенные тона таких литургий напоминают нам о религиозной поэзии Израиля. И интересно отметить, что среди немногих божеств Вавилона, идеал которых достиг такой точки этического развития, фигурирует бог луны Син, давший свое имя Синаю и, как полагают некоторые, имевший некоторое изначальное сходство с Богом Израиля.^{224.1}

Что касается египетских литургий, то, насколько я смог при очень ограниченных возможностях изучить их, суеверие о заклинании лежало такой тяжестью на сознании египтян, что молитва, похоже, не в состоянии освободиться от его навязчивой идеи. Божества действуют не только с помощью заклинаний и магии своих имен, но и сам верующий использует те же средства для воздействия на них; и молитва, сопровождающая заклинание, обычно отдает уверенностью в себе и повелением. По крайней мере, такое впечатление складывается из того, что публикуется о Книге мертвых и ритуале, практикуемом для обеспечения счастья умершего. Произнося заклинательные слова над изображениями, душа умершего становится божественной.^{225.1} Магическое слово помогает передать силу божества фетишу, и его с написанным на нем словом помещают на тело умершего: например, амулет со словами: “Пусть кровь Исиды... и слово силы Исиды будут могущественны, чтобы защитить этого могущественного”;^{225.2} терракотовая лампа греко-римского периода, на которой вырезан символ богини Гект с лягушачьей головой и надписью: “Я есмь Воскрешение”.^{226.1} На предмете, помещаемом под голову умершего для поддержания тепла тела, мы находим следующие слова, предположительно обращенные духом к Аминь:^{226.2} “Я совершенный дух среди спутников Ра, и я входил и выхожу из среды совершенных душ... даруй мне то, в чем нуждается мое тело, и небеса для моей души, и тайное место для моей мумии”. “Пусть бог, который сам сокрыт и чье лицо скрыто, который сияет над миром в своих формах существования и в подземном мире, дарует, чтобы моя душа могла жить

вечно”.^{226.3} Здесь мы имеем утверждение убеждения, которое обретает уверенность благодаря магии, за которой следует молитва. Похоже, что египтянин молился богам, как будто такой молитвой он мог обрести бессмертие, но в равной степени он доверял магическим средствам, изображениям и словам силы из священных текстов и одновременно использовал методы религии и колдовства.^{227.1}

Глядя на христианскую религию, нам было бы трудно дать краткий и точный отчет об этих явлениях на различных этапах ее истории. Мы можем изложить теории и ритуальные практики различных церквей и сравнить их с тем, что мы находим в других местах; но гораздо труднее точно проанализировать религиозную психологию, мысли и чувства, сопровождающие ритуал: качество психического состояния будет частично зависеть от наследственных условий и силы наследственных инстинктов индивида. И преподавание самой духовной христианской философии не смогло предотвратить заражение богослужения некоторыми элементами магии старого света. Теория ведущих мыслителей среди отцов раннего христианства согласовывалась, как мы видели, с заявлениями более поздней греческой философии. Как Клеменс, который дает нам самые ранние теории христианской молитвы, не находя, однако, в четкую логическую систему, и для Оригена, окончательное обоснование молитва была общением с Богом, τὸ ἀνακραθῆναι τῷ πνεύματι,^{228.1} ὁμιλία πρὸς τὸν θεὸν ἡ εὐχή.^{228.2} и Клеменс считает, что истинный гностик, тот, кто обладает истинным знанием о Боге, “производство общестроительных себя с Богом в молитве так, чтобы достичь совершенства.”^{228.3} гностические Клеменс, значит, это не чисто в просительной молитве; его стихийная самовосприимчивость он вносит что-то себя для достижения конце концов он молится; и, как я решилась предложить выше, мы можем различить в этой теории на стыке более примитивные и более возвышенные религиозные воззрения.

Тем временем настоящая еретическая секта гностиков применяла большую часть старой магии под новыми именами и новыми текстами и даже не позаботилась полностью отказаться от старой терминологии заклинаний.^{229.1} И даже в православных церквях, как мы видели, мистическая сила и литургическое использование имени сохранились, являясь наследием религиозного мира, отличного от того, с которым мы знакомы или о котором мы осознаем. Мы также можем законно сравнить многие ритуальные действия, сопровождающие молитву, например, в ранней и более поздней Римской церкви, с наводящими на размышления или миметическими религиозными действиями менее развитых культов. Одним из наиболее интересных примеров, которые можно привести, является описание освящения воды для крещения накануне Богоявления, обычая, распространенного в ранней Римской церкви:^{229.2} священник, молясь Богу освятить воду, трижды окунул в нее распятие, вспоминая в своей молитве чудо, описанное в Книге Исход, - подслащивание горькой воды деревом; затем последовало антифонное пение, описывающее крещение Христа в Иордане, которое осватило воду. По-видимому, здесь мы имеем дело с сочетанием великих типичных форм религиозной энергии незапамятных времен, чистой и простой молитвы, мощного использования духовно заряженного предмета, фетиша (в данном случае распятия) и интонированного или скандируемого повествования, имеющего магическую ценность внушения.^{230.1}

То, что поддерживало использование заклинания-молитвы в полную силу на протяжении ранних и средневековых эпох христианского мира, даже в православном ритуале, было главным образом практикой экзорцизма и верой в демонов и одержимость демонами; и юридический институт испытания также способствовал его сохранению. Поскольку современное общество

отказалось от таких институтов, и современный разум больше не одержим демонологией, так и в современном богослужении молитва становится все более и более очищенной от ассоциаций с заклинанием; следы, которые остаются от последнего, слабые и обычно непонятные современному верующему. А с другой стороны, начинает ощущаться прогрессивная тенденция, требующая реформы нашей литургии в отношении объектов, за которые следует возносить молитву. Но в этом отношении, как показало сравнение, нельзя сказать, что мы пока продвинулись дальше многих религий старого света.

Специальные темы этих последних двух лекций, история очищения и молитвы, были представлены лишь в неадекватном наброске. Полное и исчерпывающее рассмотрение того и другого с успехом заполнило бы пробел в библиотеке сравнительного религиоведения. Но они послужили моей нынешней цели, если смогли проиллюстрировать и в какой-то степени проверить ценность сравнительного изучения различных теологий человечества.

[Конец]

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К ЛЕКЦИЯМ I И II

^{3.1} Гарсиласо де ла Вега, *Королевский комментарий инков* (Общество Хаклуит): Саагун—перев. Jourdanet et Siméon.

^{3.2} Jacob Laskowski, *vide* Usener, *Götternamen*, p. 82, etc.

^{6.1} *Золотая ветвь*, 2-е изд., т. iii. стр. 186.

^{13.1} Например, предку по определенным причинам могут поклоняться в виде змеи, и все же это не обязательно подразумевает змеиное племя или какое-либо племенное поклонение змеям в целом.

^{26.1} Смотрите ниже, стр. 192, 193.

^{26.2} *E.g. De Civ. Dei.*, bk. 2, ch. 6: deos paganorum nunquam bene vivendi sanxisse doctrinam.

^{27.1} Плутарх, *Параллела*, 35. Смотрите мои *Культы греческих государств*, том i, стр. 93.

^{28.1} Servius, *Æn.* iii. 121.

^{28.2} Там же., ii. 801.

^{29.1} *Священные книги Востока*, том iv. (изд. Миллс), стр. 211.

^{29.2} Смотрите отчет об этом в "*Греческом ревю*", xiii. (1900), p. 233, and *Annuaire de l'Association pour l'encouragement des Études grecques*, 1871, p. 92.

^{31.1} *Протокол.*, 12, § 120 (стр. 92 П).

^{33.1} Я заметил доказательства этого в моем готовящемся к выпуску третьем томе "*Культов греческих государств*".

^{34.1} C.I.G., 4697.

^{34.2} *Haeres.* 51, 22; Dindorf, vol. ii. p. 483, 12-29: *vide Philologus*, 16, p. 354. Я нахожу, что моя точка зрения на этот важный текст в целом согласуется с точкой зрения Узенера в его *Untersuchungen*, стр. 27.

^{37.1} То, что Айон был реальной фигурой митраистской религии, было окончательно доказано в "*Литургии Митры*", опубликованной Дитерихом, стр. 4, л. 21.

^{37.2} Узенер приводит несколько примеров из литургии греческой церкви и один или два из святоотеческой литературы, *Religionsgesch. Untersuchungen*, 1, стр. 28, п. 5: некоторые из них поэтичны.

^{38.1} *Смотрите* Артемиду, Р. 37, в моих "*Культах греческих государств*", т. ii. стр. 567.

^{38.2} Пауз. 4, 33, 4: надпись Диттенбергера, *Силлогия*(2), 653.

^{38.3} Видеозапись *Отчета американской школы в Афинах*, том первый, inscr. № xxvi.

^{39.1} *Посмотрите* главу о Кибеле в готовящемся к печати третьем томе моих "*Культов греческих государств*".

^{42.1} *Anth. Pal.* xi. 269: "Я Геракл, торжествующий сын Зевса; я не Лука, но они заставляют меня".

^{42.2} *Археологические эфемериды*, 1900, πίν. 5.

^{43.1} Феокрит, *Id.* 7, 106.

^{43.2} *Культы греческих государств*, том ii. стр. 735: R. 25b.

^{44.1} Ср. метод греко-египетской магии удушения птиц перед идолом Эроса, чтобы их дыхание могло оживить его, упоминается в папирусе Абраксаса, *Класс. Откр.* 1896, стр. 409.

^{45.1} *Vide Schrader, Real-Lexikon*, s.v. Eid.

^{45.2} *Согласно* п. i. 12.

^{47.1} с *тату*, *Тат*, или *Дед* столп возведен в ритуале Осириса, возможно, как символ воскресения Бога, имел форму креста: см. Фрэзер, *Золотая ветвь*⁽²⁾, раздел II. стр. 141.

^{48.1} Смотрите *Кносский дворец*: предварительный отчет за 1903 год, стр. 92: автор цитирует вавилонские и ассирийские примеры.

^{49.1} Послание. 395: доктрины орфических сект, начиная с четвертого века до н.э., также подчеркивали родство человека с Богом, как показывают хорошо известные орфические таблички, найденные в Южной Италии и на Крите (*Ад. Журнал.* 3, стр. 112: Мисс Дж. Харрисон, *Пролегомены к изучению греческой религии*: Приложение проф. Дж. Мюррей, стр. 660). В псевдоплатоническом *Аксиохе*, стр. 371 D, больной человек уверен в спасении как принадлежащий "к семье Божьей" γεννήτης τῶν θεῶν.

^{50.1} Например, о жреце Мегаполиса, иерофанте Великих Богинь, говорится как о потомке "тех, кто первыми установили мистическое поклонение Великим Богиням среди аркадян", *Еф.*

Археол. 1896, стр. 122: жрецы Посейдона в Галикарнасе вели свое происхождение от тех, кто перенес его культ из Трезена при основании города, *C.I.G.* 2655.

^{50.2} На Cos, видео Патона и Хикса, *Надписи Cos*, № 103 (период Римской империи).

^{51.1} Например, жрец Кибелы в Пессине и жрец Ма в двух Команах.

^{52.1} Vide Golther, *Handbuch der germanischen Mythologie*, p. 612, 617.

^{53.1} Посмотрите мою статью “Положение женщины в древней религии” в Архив религиозных организаций, 1904 г.

^{54.1} Смотрите ниже, стр. 72.

^{54.2} См. Царь, *Вавилонская религия*, стр. 211.

^{55.1} Посмотрите главу о “Культе Аполлона” в моем готовящемся к печати четвертом томе “Культов”.

^{55.2} Плутарх, *Апофтег. Лакон.* стр. 229 D: Священник говорит Лисандру, что перед посвящением он должен исповедаться в своем худшем грехе: он спрашивает, было ли это повелением богов или жрецов, и, услышав, что это повелели боги, он ответил: “Тогда отойди в сторону, и я расскажу богам, если они спросят меня”.

^{55.3} *Против. Ер.* 96.

^{55.4} Vide Herzog, *Real-Encyclopädie*, s.v. *Beichte*.

^{56.1} Jourdanet et Siméon, p. 24.

^{57.1} Heszch, s.v. Ἀμφιπόρμια.

^{57.2} виде Golther, *ОП. изд.* стр. 555.

^{57.3} *Полит.* стр. 1336 Б.

^{57.4} В Мистериях Аттиса возрожденных и посвященных кормили молоком—Саллюстий, *О жизни и Мундо*, 4: для тщательного рассмотрения всего вопроса, см. Dieterich, *Eine Mithras-Liturgie*, стр. 157-178: для различных параллелей с дикарями, показывающих распространенность в примитивных обществах идеи смерти и возрождения при посвящении, см. Фрейзер, *Золотая Ветвь*, том iii. pp. 424-446.

^{58.1} Вид Херцога, *Настоящая Энциклопедия.*, xii. стр. 319.

^{58.2} Vide Trede, *Das Heidenthum in der römischen Kirche*, vol. i. p. 280, “Neue und alte Fest-Lust.”

^{60.1} Посмотрите “Золотую ветвь” Фрейзера, passim, особенно том ii. стр. 115-168 (смерть и воскрешение в обрядах Адониса, Аттиса, Осириса, Диониса) и том iii. стр. 138-200: ср. статьи Бернарда Кука в “Классическом обзоре”, 1903, 1904, о “Зевсе Юпитере и дубе”: мы должны проводить различие между имитацией смерти божественного изображения и имитацией или реальной смертью человеческого представителя божественности. В эллинской религии мы можем проследить идею в поклонении Пану, в легендах и ритуалах Артемиды-Ифигении и Афродиты, см. *Культы греческих государств*, т. ii. стр. 440-442, 650-652, и в

критском поклонении Зевсу, т. i. стр. 36-38: но она утратила свою жизнеспособность в чисто эллинских культах классического периода и была реальной и энергичной только в легендах и ритуалах Адониса и Диониса.

^{61.1} Видео “Дион Хрис”, том ii, стр. 16 (Диндорф) и “Сардон и Сарданапал” К. О. Мюллера (Кляйне Шифтен”, том ii, стр. 100): на монете, опубликованной в каталоге Британского музея “Ликаония” и др., стр. xxxiii. 2, стр. 180, мы видим бога верхом на льве, стоящего на том, что может быть его погребальным костром.

^{62.1} Смотрите особенно Ипполита, см. Херес. 5, стр. 118 (Миллер): Макроб., Сатурн. 1, 21, 7: Арнобий, советник Гента. 5, 7, 16; 7, 49: Юлиан, Ор. 5, 168 С.

^{62.2} Ошибка De. с. 22.

^{63.1} For the Greek origin of the Christian apocalyptic literature, vide Dieterich, *Beitrage zur Erklärung der neu-entdeckten Petrus Apokalypse*, Leipzig, 1893. Самым явным следом орфического влияния на историческое христианство является доктрина чистилища, которая была популяризирована для более поздних эпох благодаря книге Вергилия “С Энеидой”: смотрите особенно теорию чистилища в Комментариях Сервия, *Æn.* vi. 741.

^{65.1} Журнал Хибберта, январь 1904г.

^{66.1} Алексис в Стобее, *Флорилег.* (Майнеке), том iii. стр. 83.

^{67.1} Смотрите Herzog, *Real-Encycl.*, с.в. “Монтанизм”: ср. статью о “Марии” и главу в Trede, *op. cit.* том ii., “Die grosse Mutter”.

^{68.1} Евсевий. *против Конст.*, iii. 43, 2.

^{69.1} Смотрите *Культы греческих государств*, стр. 650-652.

^{69.2} К одной из вавилонских богинь обращаются в том же гимне, что и к “Матери, жене и служанке”, Ястроу, *религ. Вавилон. Ассир.*, с. 459.

^{70.1} Смотрите *Культы греческих государств*, том ii., Артемида, Стр. 133: ср. паузу. 8, 13, 1.

^{70.2} Я рассматриваю этот вопрос в приложении к главе о Кибеле в томе iii. моих *культах* т.д.

^{71.1} Например. фрагмент Наумахия в Стобее, *указ. соч.*, том iii. стр. 16-17.

^{72.1} Vide specially Trede, *Das Heidenthum in der römischen Kirche*: Renan, *Les origines du christianisme*, vol. vii. 572-573. Сходство особенно разительно между католическим священнодействием и священнодействием Исиака.

^{72.2} Hæres., 79.

^{72.3} Ирод., 4, 33.

^{73.1} Ср. молитву Асархаддона к Нинлиль или Белит (параллельная форма имени Иштар): “пусть уста Нинлиль, Матери Великого Бога, ежедневно произносят перед Ашуром милостивое слово для царя Ассирии” (Ястроу, *указ. соч.*, стр. 525). Марии в основном поклонялись как заступнице.

^{73.2} О тождестве Отца и Сына в более позднем митраистском культе-догме, смотрите Дитерих, *Eine Mithras-Liturgie*, стр. 68: о тринитарной идее в митраизме, смотрите Кумон, *Die Mysterien von Mithra (deutsche Ausgabe)*, стр. 96, 145: мистер Кук пытается проследить это в древнем пеласгийском культе Зевса, класс. Rev. 1903, 1904: смотрите Ад. Журнал, 1901, стр. 139, о тринитарной символике в карфагенском богослужении. (Обратите внимание на определенную мистическую святость, придаваемую триаде в более поздней греческой философии, например у Порфирия, Серв., Verg., Ecl., 5, 66: Ио. Лидус, de Mens., 2, 19.)

^{74.1} Священные книги Востока, том. xxxi. часть iii. стр. 278.

^{75.1} Смотрите "Культы греческих государств", том i, стр. 306.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЛЕКЦИИ III

^{91.1} De Mysteriis, 5, 23.

^{97.1} Священные книги Востока, том iv., Зенд-Авеста, часть первая, стр. 58-59.

^{99.1} Например, лук, гороховый суп, сыр: И-Цин, Записи буддийской религии, стр. 138, "лук имеет неприятный запах и нечист": ср. список нечистых веществ в ритуальной надписи Родоса, C.I.G. Ins. Mar. Ag. i. № 789.

^{99.2} Священные книги Востока, Зенд-Авеста, часть первая, стр. 105.

^{101.1} ЦРУ, 3, 73.

^{101.2} Очищающая сила, которой обладает пепел в определенных ритуалах, может быть производной от огня.

^{103.1} Указ. соч., часть первая, стр. 120.

^{104.1} Например. указ. соч., стр. 201, 204.

^{105.1} Например, Порфирий у Евсевия, Прп. Evang., 4, 22.

^{106.1} Steinmetz, Die Entwicklung der Strafe, vol. ii. p. 355.

^{106.2} Ср. "Вы будете святы, ибо Я свят", Лев. xi. 44; Второзаконие. xxiii. 12.

^{107.1} Ястроу, указ. соч., стр. 500.

^{108.1} Германия, с. 40.

^{108.2} Голтер, указ. соч. стр. 570.

^{108.3} Голтер, указ. соч. стр. 607.

^{112.1} Казалис, Les Bassoutos, стр. 269: среди зулусов о грехе и грязи говорят как об одном и том же: "У тебя есть грязь, ты грязный" = "Ты поступил неправильно", Лесли, Среди зулусов, стр. 170. (Этими и другими ссылками на свидетельства общества дикарей я обязан доброте моего друга мистера Р. Маретта.)

^{113.1} С. 301.

^{114.1} Andoc., *De Myst.*, 110.

^{115.1} Указ. соч., стр. 102.

^{116.1} Такого же рода церемониальная логика вдохновляет практику дамара, которые, заключая мир с чужим племенем, входят в реку вместе со своими врагами и плеснули водой им в лицо, чтобы смыть вражду. Сэр Дж. Э. Александер, *Экспедиция и открытия*, том ii. стр. 171.

^{117.1} Вениаминов А.П. Петрофф, *Аляска*, стр. 158.

^{117.2} Молина, *Басни и обряды инка* (Общество Хаклуит), стр. 22.

^{118.1} Lev. xvii.

^{118.2} 2, 39.

^{119.1} Катарсический процесс переноса применялся как к чуме, так и к действительному греху, например, Аристотель, *Фрагмент.*, 454, перенос болезни в ворона.

^{119.2} Serv., *Æn.* 3, 57.

^{120.1} В современной Индии преступник и его жена иногда берутся переложить на себя грехи раджи и Рани: *Антроп. Журн.*, 1901, с. 302.

^{120.2} Смотрите главу о ритуале Аполлона, *Культы*, том iv.

^{121.1} Ср. Очищение кровью в ведическом ритуале, Хиллебрандт, *Vedische Opfer und Zauber*, стр. 179 (злых духов отгоняют тростинкой, смоченной в крови жертвы, стр. 176): на Луперкалиях в Риме лбы юношей смазывали кровью принесенных в жертву козы и собаки, а затем протирали шерстью, смоченной в молоке, вероятно, это была святотатственная церемония; см. W. Фаулер, *Римские фестивали*, стр. 311.

^{121.2} Ср. Аполлон. Род., 4, 478, о свиной крови для очищения от убийства.

^{122.1} Числа с. 19.

^{124.1} Levit. xvi. 2.

^{125.1} Числа xxxi. 19.

^{125.2} Числа xxxv.

^{125.3} Числа xxxv. 25.

^{126.1} Deuteron. xxi.

^{127.1} *Священные книги Востока*, том iv. часть i. стр. 81.

^{128.1} *Священные книги Востока*, том iv. часть i. стр. 204.

^{128.2} *Ib.* стр. 88.

^{128.3} *Ib.* стр. 136.

^{129.1} *Священные книги Востока*, том iv. стр. 28.

^{130.1} *Священные книги Востока*, том iv. стр. 56; ср. с. 141.

^{130.2} добродетель целомудрия скорее религиозна, чем этична; куртизанка подвергается порицанию, потому что она смешивает семя как верующих, так и неверующих, *ib.* стр. 205. И все же система заратустры избежала экстравагантного превознесения простой девственности, которое встречается в раннехристианской литературе: “мужчина, у которого есть жена, намного выше того, кто живет в воздержании” (Фаргард, iv.-iii. б, стр. 46).

^{131.1} *Священные книги*, том iv. стр. 216.

^{131.2} *Ib.* стр. 216.

^{132.1} *Священные книги*, том iv. стр. 87.

^{135.1} Ливий, 40, 6, 1-3: все войско провели между отрубленными конечностями собаки.

^{135.2} Ирод., 8, 27.

^{136.1} Плутарх, *Вопрос. Græc.*, 24.

^{136.2} Стобей, *Флорилег.* Майнеке, том ii. стр. 184.

^{137.1} Маллах, *Осколок. Философ.*, Адеспота.

^{137.2} *Анф. Пал.*, 14, 71.

^{137.3} *Ib.* № 74.

^{138.1} Wilamowitz, *Isyllos*, 6; *Anth. Pal.*, Адеспота, ссxxxiii.b: ср. надпись из Астипалеи в Коллице, *Диалектно-письменная*, № 3472.

^{138.2} *C.I.G. Ins. Mar.* 1, 789.

^{139.1} В Неэраме, § 85.

^{139.2} Клем. Alex., *Strom.*, 619, Pott.

^{140.1} Я полагаю, что сцена суда на щите Ахилла, правильно истолкованная, подразумевает, что сообщество начинает решать, примет ли мститель позолоту оборотня или нет.

^{142.1} *Die Entwicklung der Strafe*, vol. ii. p. 347.

^{143.1} В Steinmetz, *op. cit.* ii. стр. 336 приводится пример наказания за кровосмешение у *пасемахеров*: виновную пару хоронили заживо с полой трубой, выходящей изо рта к поверхности земли: если они выживали в течение семи дней этой агонии, их жизни были спасены: никаких объяснений не предлагается, но не исключено, что закон основан на идее, что земля может поглотить их нечистоты.

^{144.1} *Священные книги*, том iv. стр. 169 (часть первая).

^{145.1} Вид *Культы греческих государств*, т. i. стр. 66-69: Штайнмец, указ. соч., т. ii. стр. 345, обсуждает запись, касающуюся осетин, которые обычно живут в системе кровной мести, о том, что человек, виновный в отцеубийстве, был окружен и сожжен в своем доме всем народом, и он

предполагает, что это может быть первым среди них примером признания государством факта убийства.

^{147.1} Антифон, *Ор.* 6, стр. 764: ср. Еврипид, *Гекуба*, стр. 291-292.

^{148.1} Демосфен, с. *Аристократ.*, стр. 643-644.

^{148.2} Антифон, стр. 686.

^{149.1} Платон, *Законы*, 873 A-B: Демост., с. *Euerg.*, стр. 1160.

^{149.2} Р. 749; ср. 764.

^{149.3} *Законы*, стр. 854, 865.

^{149.4} Демосфен, с. *Аристократ.*, стр. 643.

^{149.5} Антифон, стр. 709.

^{150.1} Демосфен, указ. соч., стр. 645: ср. рассказ Павсания, 5, 27, 10, об очищении элеанами в Олимпии бронзового быка, ставшего причиной смерти мальчика.

^{151.1} Драко, по-видимому, систематизировал его, но, возможно, оно существовало как обычай до его периода.

^{151.2} Пауза., 1, 19, 1; 1, 28, 10: Плут., *вит. Фес.*, 12, 18: Демост., с. *Аристократ.*, 74.

^{152.1} Мы отмечаем легенду о том, что Иксиону было отказано в очищении, и прямое заявление о том, что никто не очистит царя Павсания от его жестокого преступления против олинфийской девушки.

^{152.2} Процедура испытания, распространенная в древнем мире и распространенная среди современных дикарей, вероятно, происходит от анимистической концепции чистоты: примитивная теория, по-видимому, заключается в том, что, если человек невиновен, чистый дух внутри него делает его тело способным противостоять испытанию и не зависит от какой-либо идеи о высшем боге справедливости. Процедура испытания очень распространена в африканском обществе: Пост, *Африканщина. Юриспруденция.*, 2, с. 110.

^{154.1} Например, Элевсинские, Митраистские и фригийские мистерии: примеры этого в обрядах инициации у дикарей см. *Ежегодный отчет Смитсоновского института*, 1899-1900, стр. 435.

^{157.1} Саагун, Журданет, стр. xxxix. и 455.

^{157.2} См. выше, стр. 57.

^{157.3} Vide *Archiv für Religionswissenschaft*, 1904, pp. 401-409.

^{158.1} Duchesne, *Origines du culte Chrétien*, transl. Макклюр, стр. 296.

^{159.1} Саагун, указ. соч., стр. 340-341.

^{159.2} Vide Herzog, *Real-Encyclop.*, s.v. *Beichte*.

^{160.1} Царь, *Вавилонская религия*, стр. 212.

^{160.2} Vide Фон дер Гольц, *"Дас Гебет"*, стр. 297: Каброль, *Древний храм*, стр. 316: окропление святой водой в современном римском ритуале, по-видимому, не было обязательным в ранний период: вид Дюшен, *Происхождение*, стр. 404, англ. пер.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЛЕКЦИИ IV

^{164.1} Интересный и оригинальный вклад в решение этого вопроса можно найти в недавней статье мистера Р. Маретта в *Folk-Lore*, 1904, "От заклинания к молитве".

^{166.1} Смотрите А. Лэнг, *Создание религии*.

^{167.1} Вид Антрополога. Журн., 1904, с. 165.

^{169.1} Р. Маретт, указ. соч., стр. 145.

^{170.1} *Человек*, 1902, с. 104.

^{170.2} Фрейзер, *Золотая Ветвь*⁽²⁾ iii. 83.

^{170.3} Плутарх, 693 Ф.

^{170.4} В Анфестерии, Фотий, с. В. θύραζε κήρες: Исих., с. В.

^{171.1} Фрейзер, указ. соч., iii. 98: смотрите Маретт, указ. соч., стр. 163.

^{171.2} *первобытная культура*, том ii. (заключительная глава).

^{175.1} Маретт, указ. соч., стр. 152.

^{176.1} Тайлор, указ. соч., ii. стр. 334.

^{176.2} Фрейзер, *Золотая Ветвь*,⁽²⁾ том ii. стр. 212.

^{177.1} *Ежегодный отчет Смитсоновского института*, "Исследование культов сиу, проведенное Дорси", 1899-1900, стр. 381 и др.

^{178.1} *Отчеты Музея Пибоди*, том iii. стр. 276 и т.д.

^{178.2} *Годовой отчет Смитсоновского института*, 1899-1900, стр. 420-421.

^{178.3} Тайлор, указ. соч., ii. стр. 331.

^{178.4} *Фольклор*, 1904, стр. 168: *Молитва Тода*, У. Х. Р. Риверс.

^{179.1} Published by Carl Sapper in *Nördliches Mittel-Amerika*, vide *Archiv für vergl. Religion. Wiss.*, 1904, с. 468.

^{180.1} Бадж, *Египетская магия*, стр. 49.

^{180.2} Ястроу, *Religion Babyloniens Assyriens*, стр. 490: ср. формулу в молитве одного из ранних царей богине Га-тум-дуг: "У меня нет матери — Ты моя мать; у меня нет отца — Ты мой отец", Ястроу, стр. 395.

^{180.3} *Священные книги*, т. xlv. стр. 23.

^{181.1} Том I.

^{183.1} Тайлор, *прим. Культ.*, ii. с. 333.

^{183.2} Тайлор, *указ. соч.*, ii. стр. 335.

^{183.3} У меня достаточно места, чтобы кратко сослаться здесь на весьма примечательный сборник перуанских молитв, сохраненный Де Молиной, *Fables and Rites of the Yncas*, стр. 28 и др., 38, 56: все они носят характер чистой молитвы и иногда достигают высокого духовного уровня: единственное проявление магии - в жертвоприношении, сопровождающем странное прошение, “чтобы Создатель и солнце оставались вечно молодыми”.

^{184.1} *Смотрите* также Андриана на немецком. *Gesellsch. Антропол.*, xxvii., 1896, с. 109.

^{185.1} *Serv., Æn.*, 2, 351.

^{185.2} *Фр.* 781, *Фаэтон*.

^{185.3} *Ведические гимны (Священные книги т.д.)*, ч. ii. стр. 378.

^{187.1} л. 160: ср. *Plat. Кратер.*, 400 е., “У нас есть обычай в наших молитвах называть богов тем именем, которым они больше всего рады быть названными”.

^{187.2} *Ведические гимны*, часть ii., стр. 281, 372.

^{188.1} Бадж, *указ. соч.*, стр. 161.

^{188.2} Бадж, *указ. соч.*, стр. 137-141.

^{188.3} *Посмотрите* примеры, приведенные Аусфельдом, *De Græcorum Precationibus*, стр. 519.

^{189.1} Пс. 54, 31.

^{189.2} с. 23, ст. 21.

^{189.3} Джозеф, *Де белл. Jud.*, 2, 8.

^{189.4} Деяния 8, 16; 19, 5.

^{190.1} Von der Goltz, *Das Gebet*, p. 353.

^{191.1} *Гимны Атхарва-Веды (Священные книги др.)*, xlii. стр. 167).

^{191.2} *Ведические гимны*, часть ii. стр. 391.

^{192.1} Ср. формулу в египетском папирусе, опубликованную Кеньоном (122, т. 13): “Я знаю тебя, Гермес, кто ты и откуда ты, и что за город город Гермеса”: цитируется Аусфельдом, *указ. соч.* стр. 524, л. 1.

^{193.1} “Очарование Мерзебурга”, древнегерманская рукопись десятого века: ср. Р. Чемберс, “*Истории у камина*”, Эдинбург, 1842. Профессор привлек мое внимание к великой древности этого скандинавского очарования. Нейпир, чьей доброте я обязан этими упоминаниями.

^{193.2} *Священные книги*, xlii. стр. 20.

^{194.1} Голтер, указ. соч., стр. 647-648.

^{194.2} In a pre-Conquest Cotton MS. in the British Museum, vide Grein's *Bibliothek der ängelsächsischen Poesie*: ed. Mülcker, vol. i. p. 316.

^{195.1} Ливий, 22, 10.

^{196.1} De Re Rustica, 139, 141: Вордсворт, *Фрагменты и образцы ранней латыни*, стр. 335.

^{196.2} Clemens, *Strom.*, p. 754, Pott.

^{197.1} *Eumen.*, 332.

^{198.1} Dittenberger, *Sylloge*(2), vol. iii. 816.

^{198.2} Post, *Afrikanisch. Юриспруденция.*, 2, с. 128.

^{199.1} Пауза., 10, 12, 10.

^{200.1} πλεῖ στον οὔλον ἴ ει, ἴ ουλον ἴ ει, Athenæ., 618 E.

^{200.2} песни в исполнении детей, наверное, старый погода-заклинание, называется φιληλίας, с припевом, ἔξεχ ὡφίλ ἦλιε, Поллукс, 9, 123, Athenæ., Б. 619

^{201.1} Эфем. *Археол.*, 1891, с. 82.

^{201.2} Платон, *Алкивиад.*, 2, стр. 148 С.

^{202.1} Коллиц, *диалектный словарь.*, 1562, 1563, начало четвертого века до н.э.

^{202.2} Коллитц, 3648.

^{203.1} Робертс, *Греческая эпиграфия*, том i, стр. 304.

^{203.2} Nem., 8, 35.

^{203.3} Пр., 13, 115.

^{203.4} Мед., 635.

^{203.5} Bergk, *Frag. Lyr. Græc.*, vol. iii., Scolia 2.

^{204.1} Кон., 11, 8.

^{204.2} De Superst., стр. 116 D.

^{204.3} Plat., *Phædr.*, 279 B.

^{204.4} Philostr., *Vit. Apoll.*, 4, 41.

^{205.1} Plat., *Alcib.*, 2, стр. 143 A.

^{205.2} Epictet. (Шенкле), стр. 479.

^{205.3} *Id.*, стр. 158.

^{205.4} Von der Goltz, *Das Gebet*, p. 292.

^{206.1} Диог. Лаэрт. 8, 16, 7: однако, согласно Клемену, “Пифагорейцы предписывают произносить молитву вслух, чтобы человек никогда не мог молиться о том, чего ему было бы стыдно услышать другим”, *Strom.*, стр. 641, Pott.

^{206.2} Порфирий ап. Прокл в *Тим.*, 2, 64 Б: Прокл. *in Tim.*, 2, 65: Sallustius, *De Diis et Mundo*, с. 16: cf. Мах. Тир., *Диссертация*. xi.

^{207.1} Vide *Archiv für vergl. Religionswissenschaft.*, 1904, с. 395.

^{207.2} Замечательный этический фрагмент неизвестного философа Евсевия на ионическом диалекте, цитируемый Стобеем, περὶ ἀρετῆς, § 85 (том i., стр. 39, Meineke), содержит моральные устремления, поразительно напоминающие доктрину Нового Завета, и, возможно, был задуман как молитва, но в нем нет обращения к божеству: он может принадлежать к неоплатонической секте, *смотруте* Orelli, *Opusc. Græc. Sentent.*, vol. ii. p. 728.

^{208.1} *Ведические гимны*, часть ii, стр. 61.

^{209.1} Например,: “Защити наших людей повсюду этими не обманутыми стражами твоими, о Агни”, *ib.*, стр. 158.

^{210.1} Атхарва-Веда (*Священные книги*, т. xlii. с. 138).

^{210.2} *Ведические гимны*, часть ii. стр. 376.

^{210.3} *ib.*, стр. 273.

^{210.4} *ib.*, стр. 383.

^{210.5} *ib.*, стр. 352.

^{211.1} Цитируется проф. Тайлор, *Первобытная культура*, том ii. стр. 339, из Ригведы, vii. 89, 3.

^{211.2} *Ведические гимны*, часть ii. стр. 181.

^{211.3} *ib.*, стр. 249.

^{211.4} *ib.*, стр. 354.

^{211.5} "Атхарва-Веда", стр. 164.

^{212.1} "Атхарва-Веда", стр. 163.

^{212.2} *ib.*, стр. 165.

^{212.3} “Обратись к Агни с древней могущественной речью.... Пусть наши молитвы увеличат Агни”, *Ведические гимны*, ч. ii, стр. 259: ср. стр. 391: “Молитвы наполняют тебя (о Агни) силой и укрепляют тебя, подобно великим рекам Синдху”.

^{214.1} *Священные книги* др., том iv. (*Зенд-Авеста*, часть первая, стр. 228).

^{214.2} *ib.*, стр. 145-147.

^{214.3} *Священные книги* др., т. xxxi. (*Зенд-Авеста*, часть iii, стр. 262.)

^{215.1} *Зенд-Авеста*, часть первая, стр. 246.

^{215.2} *МВ.* греческий настроений, *θεοσία ἀρίστη γνώμη ἀγαθή*, Джоанна. Damascen., *Sacr. Par.*, tit. ix. p. 640.

^{215.3} *Зенд-Авеста*, часть iii. стр. 247.

^{216.1} *Зенд-Авеста*, часть первая, стр. 138.

^{217.1} Пункт i. стр. 147.

^{217.2} Часть iii. стр. 33-34.

^{217.3} *Ib.*, стр. 179.

^{217.4} *Ib.*, стр. 106.

^{217.5} *Ib.*, стр. 49.

^{218.1} Часть iii, стр. 170.

^{218.2} *Архив f. Religionswiss.*, 1904, стр. 395.

^{218.3} Von der Goltz, *Das Gebet*, p. 288.

^{219.1} Ястроу, *Вавилонская религия ж. Ассирийцы*, том i. стр. 391-393, 423, 427.

^{219.2} *Ib.*, стр. 497.

^{219.3} S. Aug., *De Civ. Dei.*, 10, 9.

^{220.1} Царь, *Вавилонская религия*, стр. 83.

^{220.2} Ястроу, *указ. соч.*, стр. 401.

^{220.3} *Ib.*, стр. 402.

^{221.1} Ястроу, *указ. соч.*, стр. 408.

^{221.2} *Ib.*, стр. 411.

^{221.3} *Ib.*, стр. 501: возвышенный тон древневавилонской царской литургии все еще сохранялся при более позднем правлении Селевкидов, *смотрите* стр. 414.

^{222.1} Ястроу, *указ. соч.*, стр. 501.

^{222.2} *Ib.*, стр. 533.

^{222.3} *Ib.*, стр. 536.

^{223.1} Ястроу, *указ. соч.*, стр. 509.

^{224.1} Ястроу, *указ. соч.*, стр. 439-440.

^{225.1} Бадж, *Египетская магия*, стр. 108, 110, 120.

^{225.2} *Ib.*, стр. 127.

^{226.1} Бадж, *Египетская магия*, стр. 63.

^{226.2} *Ib.*, стр. 119.

^{226.3} *Ib.*, стр. 119.

^{227.1} Бадж, *Египетская магия*, стр. 184.

^{228.1} Ориген, περὶ εὐχῆς, с. 10, 2.

^{228.2} Clemens, *Strom.*, vii., ch. 7, § 39, p. 854, Pott.

^{228.3} *Ib.*, § 38, стр. 853, Pott.

^{229.1} Vide Von der Goltz, *op. cit.*, p. 310.

^{229.2} Vide Usener, *Archiv für Religionswiss.*, 1904, p. 293.

^{230.1} См. выше, стр. 181-182.

Примечания переписчика

Эта книга - двенадцатая в серии *Королевской теологической библиотеки*.

Номера страниц указаны в {фигурных} скобках.

Только текстовая версия: маркеры для концевых сносок даны в [квадратных] скобках.

Незначительные орфографические несоответствия (*например*, роды / рождение ребенка, Ахура-Мазда / Ahura Mazda и т.д.) Были сохранены.

Добавьте название и имя автора к изображению на обложке.

Изменения в тексте:

Преобразуйте сноски в концевые, переименуйте маркеры примечаний (добавьте исходный номер примечания к номеру страницы) и добавьте соответствующую запись в оглавление.

[Лекция IV]

Изменение“ использует тот же метод, который *шарман* employed” to *Shaman*"., ,

“все злые мысли, все *злые* слова, все злые дела я совершаю неохотно” к злу.

[Конец текста]